

ТОМАС
ГАРДИ

ТОМАС
ГАРДИ

В краю лесов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г20

Серия «Зарубежная классика»

Thomas Hardy
THE WOODLANDERS

Перевод с английского *А. Сергеева, М. Литвиновой*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Гарди, Томас.
Г20 В краю лесов : [роман] / Томас Гарди ; [перевод с английского А. Сергеева, М. Литвиновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 416 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-147005-0

Образованная девушка среднего класса должна выйти замуж за мужчину своего круга, уверен отец Грейс Мелбери. Равнодушный к чувствам дочери, он заставляет ее разорвать отношения с невежественным, но честным и добрым лесником Джайлсом Уинтерборном и буквально толкает под венец с доктором Эдридом Фитцпирсом.

Однако семейная жизнь превращается в ад для обоих супругов: неисправимый женолюб Фитцпирс заводит интрижку за интрижкой, а Грейс, вовсе не склонная к кроткому долготерпению, изничтожает его колкостями и сарказмами.

Дело неминуемо движется к трагедии. Но кто станет ее жертвой?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-147005-0

© Перевод. А. Сергеев, наследники, 2022
© Перевод. М. Литвинова, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Если досужему путешественнику захочется по старой памяти или из каких-либо других соображений пройти заброшенным трактом по почти меридиональной линии от Бристоля к южному побережью Англии, то с середины пути он окажется в краю обширных лесов, иногда перемежающихся яблоневыми садами. Здесь деревья — будь то лесные или плодовые — ломают черту придорожных изгородей, бросая на них узоры света и тени, непринужденно протягивают свои горизонтальные ветви над дорогой, словно бесплотный воздух служит им достаточной опорой. В одном месте с холма, на который взбирается тракт, открывается вид на самый большой из здешних лесов, разделенный трактом надвое подобно тому, как густые волосы разделяются светлой линией пробора. Место это пустынное.

Вид заброшенной дороги выражает одиночество гораздо острее, нежели безлюдные доли и холмы, а ее могильная тишина намного выразительнее тишины озер и болот. Вероятно, причиной этому невольное сравнение того, что есть, с тем, что могло бы быть, поэтому шагнуть из-за ограды на белеющую дорогу и на миг задержаться среди ее пустоты — значит внезапно сменить простое отсутствие людей на ощущение заброшенности.

Именно здесь в сгущающихся сумерках зимнего дня и стоял человек, оказавшийся на дороге описанным выше образом. Он только что перелез через изгородь и, нимало

не будучи «избранным сосудом» для лирических переживаний, все же на миг ощутил себя более одиноким, чем за минуту до этого.

Взглянув на весьма щеголеватую одежду незнакомца, можно было заключить, что это не местный житель, да и по лицу его было видно, что направление дороги ему намного важнее, чем мрачная красота пейзажа, пение ветерка или вызванная к жизни воображением зыбкая процессия призраков в старинных каретах. Его не волновал ни труд ушедших поколений, проложивших дорогу на холм, ни бесчисленные путники, утрамбовавшие ее, ни слезы, ее окропившие, ибо времени, отпущенного ему судьбой, хватало лишь для сугубо практических нужд.

Он посмотрел на север, потом на юг и машинально потыкал землю своей тростью. Лицо незнакомца при более пристальном взгляде подтверждало то, о чем свидетельствовал его щеголеватый костюм. Оно выражало ни на чем не основанное самодовольство. Ничто не озаряло это лицо, и не только мудрец, но и простой наблюдатель увидел бы в его выражении полную подчиненность немногочисленным правилам и привычкам и незыблемую в них веру.

Кругом не было — да, казалось, и не будет — никого, кто мог бы указать ему дорогу. Однако вскоре послышался негромкий скрип колес и размеренный постук подков, и в седловинке между деревьями и вершиной холма замаячил одноконный фургон. Вглядевшись, незнакомец сказал себе с некоторым облегчением:

— Это миссис Доллери — она-то мне и поможет.

В фургоне было несколько пассажиров, главным образом женщин. Подождав, когда фургон приблизился, путник поднял трость, и сидевшая на козлах женщина натянула вожжи.

— Миссис Доллери, я тут полчаса ищу дорогу на Малый Хинток, — сказал он. — Я раз десять бывал в Боль-

шом Хинтоке и в Хинток-хаусе, но эта деревушка просто куда-то запропастилась. Не поможете, а?

Миссис Доллери заверила его, что поможет: она сама направляется в Большой Хинток и будет проезжать мимо Малого — это совсем рядом, вверх по тропинке в сторону от дороги, на которую они сейчас свернут.

— Впрочем, — продолжала миссис Доллери, — это такая неприметная деревушка, что вы, городской житель, сами днем с огнем не найдете, ежели заранее не знаете, где она. Боже! Да я бы за деньги не стала там жить! То ли дело Большой Хинток! Тут есть все, что душе угодно.

Он вскарабкался на козлы и свесил ноги так, что лошаадь порой задевала их хвостом.

Для знавших эти места фургон миссис Доллери был скорее движимой принадлежностью тракта, чем посторонним предметом, оказавшимся на пути. Ее кляча, чья грива жесткостью и цветом напоминала вереск, а ноги и тело были изувечены упряжью и многолетним тяжким трудом, появлялась на этой дороге почти ежедневно в течение двух десятков лет, хотя полагалось бы ей пастись где-нибудь на восточной равнине, а не тащиться здесь, ибо когда-то это была ладная породистая лошаадь. Да и править ею было не так уж легко: коротковатая сбруя все время сползала набок, и хвост не был должным образом пропущен через подхвостник. Лошаадь знала каждый малейший уклон дороги на протяжении всех семи или восьми миль от Хинтока до Шертон-Аббаса — торгового городка, куда лежал ее обычный путь, знала так хорошо, как может знать разве что землемер, вооруженный нивелиром.

Черный квадратный кузов фургона покачивался на ходу; от него над головой возницы торчал крюк, за который иногда цепляли вожжи; тогда они свисали с плеч лошаади как оковы. Где-то около оси болталась цепь, единственным назначением которой было греметь на ходу.

По дороге миссис Доллери по многу раз приходилось слезать с козел, поэтому она для соблюдения приличия надевала под платье короткие гамашы, особенно в ветреную погоду; на голове ее был не чепчик, а фетровая шляпа, обмотанная платком, ибо у миссис Доллери частенько болели уши. В задней стенке кузова имелось застекленное окошечко, которое хозяйка протирала носовым платком каждый рыночный день перед отправкой в город. Шагая позади фургона, можно было увидеть сквозь стекло квадратный кусочек окрестностей и небосвода, но их то и дело заслоняли профили пассажиров, шевеливших губами и кивавших головами в оживленной дорожной беседе, блаженно не ведая, что их ужимки и гримасы как нельзя лучше видны постороннему глазу.

Для них час дороги домой с рынка был счастливым, если не счастливейшим, часом недели. Усевшись поудобнее, они забывали о горестях бытия и с умиротворенными улыбками рассуждали о жизни, вспоминая происшествия минувшего дня.

Пассажиры тесно сдвинулись в задней части фургона и, пока незнакомец толковал с хозяйкой, принялись обсуждать его, благо скрип колес заглушал их слова.

— Это парикмахер Перкомб — тот, у которого восковая кукла в окне на Эбби-стрит, — сказал кто-то. — Хотела бы я знать, что ему надобно в наших краях. Он ведь не бродячий цирюльник, а настоящий парикмахер. Он даже убрал вывеску, потому что это не благородно!

Они прислушивались к его словам, но мистер Перкомб, казалось, не собирался удовлетворять их любопытство, хотя все время кивал и что-то говорил, но вдохновлявший пассажиров общий разговор прервался с его появлением.

Так они ехали, пока не свернули на еле заметную крутую тропинку, с вершины которой можно было различить в полумиле направо во впадине сады и огороды, словно срезанные с поверхности лесного края. Оттуда в сторож-

ком молчании подымались высокие столбы дыма; воображение могло проследить за дымами до незабываемых каменной очага, обвешанного гирляндами копченых окороков. Это было одно из тех отдаленных мест, где обычно бывает больше раздумий, чем действия, и больше пассивности, чем раздумий; рассуждения здесь строятся на зыбких основаниях и приводят к фантастическим выводам; тем не менее здесь, как и во всех подобных местах, от нагнетания страстей и тесной взаимосвязи коренных обитателей порой разыгрываются драмы истинно софокловского величия.

Это и был Малый Хинток, который разыскивал парикмахер. Сгушавшаяся ночь постепенно поглощала дым, вырывавшийся из труб, но местоположение маленького уединенного мирка выдавали несколько слабых огоньков, неверно мерцавших сквозь безлиственные ветви, среди которых устроились на ночлег пичуги, похожие в потемках на шары из перьев.

От проезжей тропинки ответвлялась тропинка поуже; тут парикмахер сошел, ибо миссис Доллери направлялась в Большой Хинток, чье превосходство над презренным Малым Хинтоком не слишком явствовало из сравнения тропинок, ведущих в эти деревни, но такова уж прихоть судьбы.

— Там поселился очень умный и ученый молодой доктор. Говорят, он в союзе с дьяволом. И больных у него нет, а выбрал он это место потому, что это самая середина нашего края, — сообщила парикмахеру одна из пассажирок, надеясь хоть напоследок узнать цель его путешествия.

Но он не сказал ни слова и углубился во мрак, с осторожностью ступая по скользким опавшим листьям, почти скрывавшим от глаз дорогу и улицу деревушки. С наступлением темноты посторонние тут не ходили, и большинство обитателей Малого Хинтока считали оконные занавески излишеством, именно поэтому мистер Перкомб

мог заглядывать в окна почти каждого дома, очевидно, стараясь угадать местожительство того или тех, кого разыскивал.

Его интересовали дома поменьше, и он равнодушно прошел мимо нескольких домов, чьи размеры, возраст и службы свидетельствовали о том, что и в этих глухих местах жили или живут люди, занимающие достаточно высокое положение в обществе. Запах яблочных выжимок и шипение забродившего сидра, доносившиеся из дворов, говорили о недавних трудах обитателей и соединялись с запахом гниения от волглой листвы под ногами.

Так он прошел пол-улицы. Дом у высокого дерева излучал необычное сияние: зарево, вырывавшееся из печной трубы, превращало дым в мерцающее облако. Увиденное в окне заставило парикмахера решительно остановиться и всмотреться внимательнее. Дом был великоват для деревенского; сквозь приоткрытую наружную дверь длинная лента света падала в ночь. Сонные осенние мотыльки то и дело влетали в узкую полосу лучей и тут же пропадали во тьме.

Глава 2

В доме, распространявшем это приветливое сияние, он увидел девушку в огромном кожаном переднике. Она сидела на плетеном стуле и работала при ярком пламени полыхавшего очага. В правой руке она держала секач, на левую была надета непомерно большая кожаная рукавица. Девушка с поразительной ловкостью обстругивала ветки, изготавливая кровельный прут. Слева от нее находилась кладка гладких ровных прутьев, справа — гора обрезков, которыми и поддерживалось пламя в печи, а перед ней аккуратной стопой лежал готовый кровельный материал. Она брала ветку, критически окидывала ее взглядом, ловкими ударами отсекала боковые отростки и заостряла

ее с обоих концов, придавая им сходство с треугольным концом штыка.

В случае надобности она могла бы зажечь и свечу в медном подсвечнике, который стоял близ нее на скамейке — из тех, на которые ставят гробы. Чтобы придать ей сходство со столиком, на скамейку набили круглую сосновую доску, белизна которой странно оттеняла черный резной дуб подставки. Былое общественное положение обитателей дома распознавалось по этому предмету с той же точностью, с какой дом дворянина узнают по висящим в нем старым щитам и шлемам. Когда-то каждый зажиточный крестьянин, чьи права на землю значились в бумагах поместного суда или были по крайней мере неоспоримее, чем у простого арендатора, считал необходимым приобрести пару таких скамей для гробов своих близких. Однако в последних поколениях мысль *cui bono* (кому это нужно?) вытеснила привязанность к старому обычаю, и скамьи для гробов теперь часто использовали так, как мы это только что описали.

Девушка на мгновение отложила в сторону секач и осмотрела отнюдь не жесткую и не грубую ладонь правой руки, которая, в отличие от левой, не была защищена рукавицей.

Ладонь была красная и в водяных мозолях: стругание веток явно не относилось к числу ее привычных занятий. Как у множества людей физического труда, в очертаниях руки этой девушки не было ничего подтверждавшего расхожее мнение, что происхождение человека — от высокого до самого низкого — неизменно сказывается на форме руки. Лишь волей случая пришлось ей готовить кровельный прут, и пальцы, обхватившие тяжелую ясеневую рукоятку, могли бы уверенно вести перо по бумаге или трогать струны, будь они приучены к этому в должное время.

Лицо ее было исполнено той одухотворенности, которая рождается одиночеством. Взгляды множества людей

словно стирают с лица индивидуальность, обкатывают его, как волна камень. Но в тихих водах уединенной жизни каждое чувство и мысль распускаются с той откровенностью, какую можно увидеть разве что на лице ребенка. Лет ей было не более девятнадцати-двадцати, однако необходимость рано задумываться над жизнью придала очертаниям ее почти детского лица преждевременную законченность. Эта девушка не претендовала на красоту, но одно бросалось в глаза сразу — волосы, густые и непослушные до неукротимости. В зареве очага они казались темно-коричневыми, однако при свете дня выяснилось бы, что их истинный цвет — редкий и роскошный оттенок каштанового.

От этого дара, поднесенного временем своей жертве, и не мог отвести взгляда пришелец, а пальцы его правой руки машинально поигрывали ножницами, что были засунуты в жилет и на чьем блестящем металле слабо горел отсвет пламени из очага. Мысленно парикмахер уподобил девушку за работой великолепному полотну позднего Возрождения. Волосы ее были выписаны ярко и отчетливо, лицо же, плечи, руки и вся фигура, будучи скоплением маловажных деталей, терялись в тени.

Не колеблясь более, он постучал в дверь и вошел в комнату. Песок, которым был посыпан пол, захрустел под его ногами, девушка оглянулась и, побледнев, воскликнула:

— Ах, мистер Перкомб, как вы меня напугали!

— Закрывай дверь плотнее — и не напугаешься.

— Не могу, — сказала она, — печь дымит. Мистер Перкомб, когда вы не у себя в парикмахерской, у вас такой забавный вид — ну точь-в-точь канарейка на боярышнике. Вы ведь сюда не из-за меня пришли, не из-за того...

— Нет, я как раз пришел из-за этого самого. — Он коснулся ее головы своей тростью, и девушка содрогнулась. — Ты согласна? — продолжил он. — Мне надо знать это сейчас же. Дама скоро уедет, а на работу мне нужно время.

— Не торопите меня, прошу вас. Я уж думала, что вы забыли. Я не могу расстаться с ними — нет, нет!

— Послушай, Марти, — сказал парикмахер, присаживаясь на столик, сделанный из скамейки. — Сколько тебе платят за этот прут?

— Тсс! Отец наверху не спит. Он не знает, что я делаю работу за него.

— Так сколько тебе за это платят? — повторил вопрос парикмахер, понизив голос.

— Восемнадцать пенсов за тысячу, — неохотно ответила она.

— А для кого ты их делаешь?

— Для мистера Мелбери, лесоторговца, что живет тут неподалеку.

— Сколько же ты их можешь сделать за день?

— За день и полночи — три связки. Это полторы тысячи.

— Два шиллинга с четвертью. — Парикмахер помолчал, вычисляя ту наименьшую сумму, которой можно было бы победить сопротивление бедности и женскую любовь к красоте. — Взгляни-ка, вот соверен — золотой соверен, почти новенький. — Он держал монету между указательным и большим пальцами. — Это ровно столько, сколько ты получаешь за полторы недели мужского труда. Соверен твой, если ты позволишь состричь то, чего у тебя и так слишком много.

Грудь девушки вздымалась.

— Почему эта дама не обратилась к кому-нибудь другому? Может, другой девушке это было бы безразлично. Почему именно ко мне? — воскликнула Марти.

— Глупышка, да потому, что у тебя волосы точь-в-точь как у нее, а этого не добьешься никакой краской. Ты ведь мне не откажешь — я же нарочно приехал сюда из Шертона.

— Я... я не продам их ни вам, ни кому другому.

— Послушай. — Он придвинулся поближе к ней. — Дама очень богата, ей не жалко прибавить несколько шиллингов — беру это на себя, я дам тебе соверен и два шиллинга, только чтобы не возвращаться с пустыми руками.

— Нет-нет-нет! — волнуясь, заговорила она. — Вы искуситель, мистер Перкомб. Вы как дьявол, искушающий доктора Фаустуса, из книжки! Я не хочу ваших денег, я не согласна! Зачем вы пришли? Когда вы привели меня в парикмахерскую и начали уговаривать, я сразу сказала, что ни за что не продам свои волосы! — Она говорила горячо и решительно.

— Марти, послушай меня внимательно. Твои волосы крайне нужны этой даме. Между нами говоря, лучше б ты с ними рассталась. Худо тебе будет, если ты ей не удружишь.

— Худо? А кто она такая?

Парикмахер молчал, и девушка повторила вопрос.

— Я не имею права говорить. Но она скоро уедет за границу, так не все ли тебе равно?

— Она хочет взять с собой за границу мои волосы?

Перкомб кивнул, и девушка задумчиво посмотрев на него, сказала:

— Парикмахер Перкомб, я знаю, кто эта дама. Это миссис Чармонд из Хинток-хауса.

— Пока это мой секрет. Отдай волосы, и я тебе его открою.

— Не отдам, пока не узнаю правду. Это миссис Чармонд?

Парикмахер понизил голос:

— Ну... да, она. Вы в церкви сидели почти рядом, и она заметила, что у тебя волосы точь-в-точь как у нее. Вот ей и взбрело на ум купить их. Но она наденет шиньон не раньше, чем окажется за границей, а там никто не заметит перемены. Мне поручено сделать шиньон. Я бы не потащился на край света, если б меня не послала такая

важная особа. Теперь учти: она откажется от моих услуг, если узнает, что я выболтал ее тайну, — и поклянись, что ничего никому не скажешь. Иначе мне несдобровать.

— Я и не собираюсь ничего говорить, — сухо ответила Марти. — Но мои волосы принадлежат мне, и я с ними ни за что не расстанусь.

— Я тебе все рассказал, а ты мне отказываешь. Это нечестно! — воскликнул уязвленный парикмахер. — Рассуди, Марти, ты с ней в одном приходе, живешь в доме, которым она владеет, твой отец болен, и ему не захочется покидать эти стены. Тебе бы следовало ее уважить. Я говорю это как друг. Я ведь не требую ответа сейчас же. Завтра по дороге на рынок загляни ко мне. Когда все хорошенько обдумаешь, ты без колебаний отдашь то, что мне нужно.

— Мне вам нечего больше сказать, — прежним тоном ответила девушка.

Парикмахер понял, что дальше убеждать ее словами бесполезно.

— Я знаю, что на тебя можно положиться, — сказал он. — Я оставлю здесь эти соверены для красоты, чтобы ты могла на них как следует полюбоваться. Завтра принесешь мне свои волосы или вернешь золотые. — Он поставил монеты ребром за рамку небольшого зеркала. — Хочу надеяться, что ты принесешь волосы — так будет лучше и для тебя и для меня. Я и сам думаю, что она могла бы обойтись без твоей помощи, да уж раз она вбила себе это в голову, то приходится ей потакать. Если вздумаешь срезать их сама, то постарайся не перепутать пряди. Вот как это делается...

— Я не буду, — ответила она кратко и безразлично. — Я сама хочу быть красивой. Даме нужны мои волосы, чтобы привлечь нового поклонника. Говорят, она разбила немало сердец.

— Боже, удивительно, как ты догадлива, Марти, — сказал парикмахер. — Знающие люди говорят, что у нее

и вправду есть на примете один иностранный джентльмен. Как бы то ни было, помни мою просьбу.

— Пусть завлекает любовников без моей помощи.

Перкомб, стоявший уже в дверях, вернулся, положил свою трость на подставку для гроба и взглянул девушке прямо в лицо.

— Марти Саут, — сказал он нарочито отчетливо, — у тебя у самой есть любовник, поэтому ты не хочешь расставаться с волосами!

Она покраснела, но это был тот румянец, который только подчеркивает красоту. Натянув желтую кожаную рукавицу на левую руку, в правую она взяла секач, повернулась спиной к посетителю и вновь упрямо углубилась в работу. Некоторое время он смотрел на нее, затем пошел к дверям и, еще раз оглянувшись, переступил порог.

Несколько минут Марти продолжала работать, затем решительно отложила секач, встала и направилась к двери в глубине комнаты, за которой открывались добела выскобленные ступеньки. Поднявшись по лестнице, она на цыпочках приблизилась к двери спальни и, не открывая ее, спросила:

— Отец, тебе ничего не надо?

Слабый голос ответил, что ничего не надо, и добавил:

— Если бы не это дерево, я к утру был бы совсем здоров!

— Опять дерево — вечно это дерево! Успокойся, отец! Ты же знаешь, что оно не может тебе повредить.

— С кем ты там разговаривала?

— Заходил человек из Шертон — ничего важного, — заверила она старика. — Отец, может миссис Чармонд выгнать нас из дому, если захочет?

— Выгнать? Нет. Никто не может выгнать нас, пока моя бедная душа не расстанется с телом. Я арендовал дом пожизненно, как и Джон Уинтерборн. Дом перейдет к ней, когда я умру, не раньше. — Голос старика прозвучал

разумно и внятно. — Пока меня не убьет это дерево, — продолжал он плаксиво.

— Полно, ты ведь знаешь, что это чепуха. — Она не стала продолжать разговор и спустилась по лестнице вниз. — В таком случае слава богу, — сказала она себе. — Мое у меня и останется.

Глава 3

Дом за домом огни деревушки гасли, и вот в темноте их осталось всего два. Один из них светился в большом доме на склоне холма — о нем мы пока умолчим, — другой — в окне Марти Саут. Однако, когда часы пробили десять, она встала и задернула окно плотной холщовой занавеской. Тогда снаружи показалось, что свет погас и в ее доме. Только дверь у нее, как и у многих соседей, оставалась приоткрытой из-за дыма, наполнявшего комнату, но, чтобы свет не падал на улицу, она занавесила холстиной и дверь. Марти была из тех, кто предпочитает скрывать от соседей трудности, и не хотела показывать, что ей приходится засиживаться допоздна; лишь по невнятному треску ветвей случайный прохожий мог догадаться, что в этом доме не спят.

Пробило одиннадцать, двенадцать, потом час; груда кровельного прута росла, увеличивалась и куча обрезков. Наконец свет на холме погас, а она все работала. Ночь за окном стала еще холодней, девушка начала зябнуть и, чтобы спастись от ветра, отгородилась от двери большим голубым зонтиком. Два соверена выглядывали из-за рамочки зеркала, словно пара подстерегающих желтых глаз. Переводя дыхание, Марти на мгновение отрывалась от работы и задерживалась взглядом на монетах, но тут же отводила глаза и касалась пальцами прядей, словно желая удостовериться, что они целы и невредимы. Когда пробило три, она встала и присоединила последнюю вязанку к тем, что уже были сложены у стены.

Накинув на плечи красный шерстяной платок, она открыла дверь. Необъятная ночь встретила ее на пороге; за его гранью словно разверзлась вселенская пустота, предшествовавшая сотворению мира, Гиннунг-гэп* из легенд ее предков датчан. Мрак показался Марти особенно непроглядным, так как глаза ее только что были обращены к пламени очага, на улице же не горело ни одного фонаря, который мог бы смягчить переход от света комнаты к тьме ночи. Ленивый ветерок доносил из леса неподалеку скрип трущихся друг о друга веток с уснувшими птицами, доносил превращенную в звуки печаль деревьев, уханье сов, глухое трепыханье крыльев лесного голубя, неловко устроившегося на ночлег.

Но глаза ее скоро привыкли к темноте. Она взяла две вязанки прутьев и, определяя путь по темным зубчатым вершинам деревьев, вырисовывавшимся на более светлом небе, отнесла их под длинный сарай, окруженный ковром из опавших листьев, который был в сотне ярдов от дома. Ночь — очень странное существо: в четырех стенах побуждает человека к губительному самоанализу и вселяет недоверие к себе, и та же ночь под открытым небом гонит душевную тревогу, представляя ее недостойной внимания. Ночь умиротворила Марти Саут, и ее движения стали спокойней и уверенней. Опустив вязанки наземь, она возвратилась в дом за следующими двумя, и так перетаскала в сарай все плоды своего труда.

Это строение было каретным сараем главного из местных дельцов, мистера Мелбери, лесоторговца и поставщика всевозможных изделий из дерева; на мистера Мелбери и работал отец Марти, получая за труды сдельно. Сарай принадлежал к многочисленным службам, беспорядочно разбросанным вокруг дома мистера Мелбери, столь

* Гиннунг-гэп — в древнескандинавской мифологии «зияющая пропасть» между царством холода и царством огня, хаос, из которого возник мир. — *Здесь и далее примеч. пер.*

же беспорядочного и неуклюжего строения, чьи непропорционально длинные трубы различались даже теперь. В сарае находилось четыре по старинке сколоченных фургона; они раздавались вширь и закруглялись у основания и в концах, странным образом напоминая достопочтенные и неуклюжие корабли Трафальгарского боя*. Один был нагружен кормушками для ягнят, другой — штакетником, третий — древесным углем, четвертый, возле которого Марти сложила прутья, наполовину заполнен такими же вязанками.

Она помедлила там с успокоительным чувством довольства от выполненной нелегкой работы, как вдруг услышала из-за изгороди взволнованный женский голос:

— Джордж! — И через мгновение опять: — Джордж! Иди в дом! Что ты там делаешь?

Каретный сарай примыкал к саду лесоторговца, и прежде чем Марти успела шевельнуться, в сад с черного крыльца спустилась пожилая женщина, прикрыв пламя свечи рукой, отчего темнота сгустилась и скрыла лицо девушки. Перед женщиной вырисовывалась фигура мужчины — костюм его был в страшном беспорядке. Пламя осветило гладко выбритого, худощавого, ссутуленного человека с маленьким нервным ртом. Он ходил по дорожке, уставившись в землю. Марти узнала своего хозяина мистера Мелбери и его жену. Это была вторая миссис Мелбери, ибо первая умерла вскоре после рождения единственной дочери лесоторговца.

— Что толку зря валяться в постели, — сказал он, спокойно расхаживая взад-вперед. — Не спится. Все думаю о девочке, и от этих дум нет спасенья. — Потом добавил, что никак не поймет, отчего она не пишет (Марти поняла,

* Трафальгарский бой — морское сражение у мыса Трафальгар на Атлантическом побережье Испании (1805), в котором английский флот под командованием адмирала Нельсона нанес сокрушительное поражение франко-испанской эскадре.

что он имеет в виду свою дочь). — Наверно, она захворала — не иначе как захворала, — повторял он.

— Ну что ты, Джордж. Ничего там с ней не случилось, — заверила его жена и начала убеждать, что ночью все кажется особенно мрачным, что нечего поддаваться дурным мыслям, что, только настанет утро, все страхи растают, как призраки.

— Грейс жива-здоровая, как мы с тобой, — говорила она.

Мелбери возражал, что ей всего не понять, что ему виднее.

Грейс не пишет, но это лишь одна из причин его тревоги. Если бы не дочь, он бы так не беспокоился из-за денежных дел. Ведь о ней некому позаботиться, кроме отца, вот он и хочет, чтобы после его смерти Грейс была надежно защищена от бедности.

Миссис Мелбери отвечала, что Грейс, без сомнения, сделает хорошую партию, а значит, не все ли равно, получит она сотней фунтов больше или меньше.

Муж согласился, что так думать вполне естественно, тем не менее миссис Мелбери не права: ему есть отчего тревожиться.

— Я уже обдумал ее будущее, — сказал он, — она выйдет замуж за небогатого человека.

— Ты хочешь, чтобы она сделала невыгодную партию? — Жена была озадачена.

— В некотором роде да, — ответил Мелбери. — Она должна выйти замуж за одного человека, а так как у него нет больших денег, то это можно назвать, как назвала ты. Может быть, я на это и не решусь, а даже если решусь, может, оно для нее не очень-то хорошо обернется. Я хочу ее выдать за Джайлса Уинтерборна.

Его собеседница повторила имя и, подумав, сказала:

— Что ж, прекрасно. Он готов целовать следы ее ног; только он не из тех, кто показывает свои чувства.

Марти Саут была так поражена, что теперь не могла уйти отсюда.

Лесоторговец подтвердил, что сам прекрасно все знает. Уинтерборн давно влюблен в его дочь; именно поэтому он и решил соединить их в браке. И он знает, что его дочь не будет против. Никаких препятствий к женитьбе нет, и не это его беспокоит. Дело в том, что он дал дочери такое хорошее образование, что она теперь выше всех девушек в округе, и поэтому, в сущности, неразумно отдать ее за такого человека.

— Это-то я и хотела сказать, — проговорила миссис Мелбери.

— Вот теперь, Люси, ты понимаешь меня, — с чувством заключил лесоторговец. — В этом-то вся беда. Я поклялся, что позволю ей выйти за него, что сделаю из нее превосходную жену, дам ей самое лучшее образование. И хочу сдержать свое слово. Я дал эту клятву, потому что причинил его отцу ужасное зло, и оно тяготило мою совесть до тех пор, пока я не увидел, как она нравится Джайлсу. Тогда-то я и понял, что сумею загладить свою вину.

— Ты причинил зло его отцу? — спросила миссис Мелбери.

— Да, ужасное зло, — ответил муж.

— Не думай об этом хоть ночью, — сказала она. — Пойдем домой.

— Нет-нет, у меня голова горит. На воздухе мне лучше. Я скоро приду.

Помолчав, он сказал отчетливо, так что Марти слышала каждое слово, что его первую жену, мать Грейс, когда-то любил отец Уинтерборна, но он, Мелбери, отбил ее самым нечестным образом.

Голос Мелбери звучал невесело. Он причинил несчастье сопернику, и хотя тот позднее женился на матери Джайлса, брак этот был не по любви. Мелбери прибавил, что впоследствии нечестный поступок его угнетал, но со временем,

когда дети подросли и вроде бы привязались друг к другу, дал себе слово загладить свою вину, позволив дочери выйти замуж за Джайлса, и более того: решил дать дочери самое лучшее образование, чтобы искупление было полнее.

— И слова я не нарушу, — заключил он.

— Так в чем же дело? — спросила миссис Мелбери.

— Вот что меня мучит, — сказал он. — Я понимаю, что хочу искупить свою вину за счет дочери, и не могу отделаться от этой мысли. Я часто прихожу сюда и смотрю.

— На что? — спросила жена.

Он взял у нее свечу, наклонился и отодвинул кусок черепицы, который лежал на дорожке.

— Вот след ее ботинка: она пробежала тут за день до отъезда — а было это столько месяцев назад. Когда она уехала, я прикрыл его, и сейчас вот все прихожу сюда, смотрю на него и спрашиваю: почему она должна жертвовать собой за мои грехи и выходить замуж за бедняка?

— Это совсем не жертва, — сказала жена. — Он ее любит, он честный, порядочный человек. Если она не против, так чего еще желать?

— Я ничего особенного и не желаю. Но ведь ей может представиться столько счастливых случаев. Скажем, я слышал, что миссис Чармонд ищет образованную молодую девицу в компаньонки — или как это там называется — для поездки за границу. Грейс для нее — находка.

— Как знать. Лучше уж держаться за то, что есть.

— Верно, верно, — сказал Мелбери, — должно быть, ты права. Надо бы их поженить поскорее и разделаться с прошлым раз и навсегда. — И, не сводя глаз со следа, он вдруг проговорил: — А что, если она сейчас при смерти? Что, если ей больше никогда не ходить по этой дорожке?

— Будь спокоен, она скоро напишет. Пошли, нечего тут ломать себе голову, — сказала жена.

Он согласился, но прибавил, что поделаться с собой ничего не может.

— Напишет она или не напишет, я через два-три дня съезжу за ней. — Он прикрыл след черепицей и первым вошел в дом.

Чувствительность, заставлявшая Мелбери оберегать след на дорожке, надо думать, была ему немалой помехой в жизни. Природа правит людьми, никоим образом не принимая в расчет подобные чувства, и когда на старости лет их сердца не защищены от бурь, они «страдают под ударами грома и молний» не меньше, чем слабые лютики*.

Марти медленно зашагала домой, и мысли ее занимало не горе мистера Мелбери, а собственное.

— Так вот в чем дело, — говорила она себе, — Джайлс Уинтерборн не для меня. Что ж, чем меньше я буду думать о нем, тем лучше.

Она вернулась домой. Соверены по-прежнему выглядывали из-за рамки зеркала. Удерживая слезы, она достала ножницы и стала сосредоточенно и беспощадно обрезать свои прекрасные длинные волосы и раскладывать их прядь к пряди, как показывал парикмахер. На добела выскобленной крышке столика, сделанного из подставки для гроба, они лежали, словно волнистые длинные водоросли на светлом каменистом дне прозрачного ручья.

Из жалости к себе она не отважилась повернуться к зеркалу, зная, что оттуда на нее глянет обезображенное лицо, а это было бы невыносимо; она боялась собственного отражения не меньше, чем богиня ее предков Сиф, когда волосы ее похитил зловредный Локи**. Покончив с волосами, Марти завернула их в пакет, потом выгребла

* Цитата из стихотворения английского поэта У. Вордсворта (1770–1850) «Лютики».

** С и ф — в древнескандинавской мифологии — жена Тора, бога грома; Л о к и — бог огня, носитель зла и разрушения, строивший козни другим богам; согласно легенде, он похитил золотые волосы Сиф, и боги принудили его дать Сиф новые волосы, которые черные эльфы выковали из чистого золота.

из очага головешки и легла спать, не забыв поставить возле себя будильник, сооруженный из горящей свечи и нитки с подвязанным камешком.

Однако эта предосторожность оказалась излишней. Промаявшись без сна часов до пяти, Марти услышала, что воробьи, проснувшиеся в длинных ходах под крытой ветвями крыши, уже спешат к выходам под застреху; тогда она тоже встала и спустилась на нижний этаж.

Было еще темно, но она стала ходить по дому и что-то делать с машинальностью, которой у хозяек отмечено начало очередного дня. Среди хлопот она услышала громыхание фургонов мистера Мелбери, лишний раз подтверждавшее, что дневные труды уже начались.

Марти бросила несколько прутьев на еще горячие угли очага, и они весело вспыхнули, отчего на стену упала сильно уменьшившаяся тень ее головы. Кто-то в это время подошел к дверям дома.

— Вы не спите? — спросил хорошо знакомый ей голос.

— Нет, мистер Уинтерборн, — ответила Марти, натягивая на голову большой чепец, полностью скрывший опустошительную работу ножниц. — Входите!

Дверь распахнулась, и на рогожку у входа ступил человек, равно не похожий ни на юного влюбленного, ни на зрелого дельца. Взгляд его изобличал скрытность, очертания губ — сдержанность. Он держал фонарь на длинной проволочной ручке, который, раскачиваясь, отбрасывал узорчатые блики на еще темные стены.

Уинтерборн объяснил, что зашел по пути сказать, чтобы ее отец не спешил с работой, пока нездоров. Мистер Мелбери подождет еще неделю, а сегодня они поедут в город налегке.

— Работа готова, — сказала Марти. — Она в сарае.

— Готова? — повторил он. — Значит, ваш отец не так уж болен и может работать?

Марти ответила уклончиво и добавила:

— Если вам по пути, я вам ее покажу.

Они вышли из дому и пошли рядом. Свет из отверстий для воздуха в крышке фонаря огромными кругами отражался в тумане над головой и, казалось, доставал до низкого полога небес. Им нечего было сообщить друг другу, и они молчали. Трудно представить себе более обособленных, замкнутых людей, чем эти двое, шагавшие рядом в безлюдный предрассветный час, когда тени в природе и душе становятся особенно темными. И все же, если подумать, их уединенная прогулка входила крохотной крупницей в повседневные дела, занимавшие человечество от Белого моря до мыса Горн.

Они дошли до сарая, и Марти указала на связки прутьев. Уинтерборн молча взглянул на них, а потом на нее.

— Марти, мне кажется... — начал он, покачав головой.

— Что?

— Что это вы сами сделали всю работу.

— Никому не говорите об этом, мистер Уинтерборн, прошу вас, — взмолилась она. — Если мистер Мелбери узнает, что это сделала я, то не примет работу.

— Как вам удалось? Это же надо уметь.

— Уметь! — сказала она. — Да я научилась за два часа.

— Не волнуйтесь. — Уинтерборн опустил фонарь и осмотрел аккуратно обструганные прутья. — Марти, — сказал он со сдержанным восхищением, — ваш отец с сорокалетним опытом не сделал бы лучше. Для кровли они слишком ровные, могут пойти и на мебель. Я вас не выдам. Покажите-ка мне ваши руки!

Он говорил доброжелательно, тихо и строго. Увидев, что Марти как будто не хочет выполнить его просьбу, он сам взял ее руку и рассмотрел как свою собственную. Все пальцы были в волдырях.

— Со временем загрубеют, — сказала она. — Если отец не поправится, мне придется работать самой. Дайте-ка я помогу вам их погрузить.

Она склонилась над вязанками, но Уинтерборн, не сказав ни слова, поставил фонарь на землю, поднял Марти на руки, перенес в сторону и начал сам укладывать вязанки в фургон.

— Лучше уж это сделаю я, — сказал он. — Да и люди сейчас сюда придут. Что случилось, Марти? Что с вашей головой? Господи, да она стала вдвое меньше!

Сердце ее так билось, что она не могла выговорить ни слова, но потом наконец, уставившись в землю, простонала:

— Ну, я себя изуродовала — вот и все!

— Нисколько, — ответил он. — Я понял — вы остригли волосы.

— Ах, зачем об этом говорить!

— Но дайте я посмотрю.

— Ни за что! — И Марти убежала в сумрак медлительного рассвета.

Уинтерборн не пытался ее догнать. Добежав до крыльца родительского дома, Марти оглянулась. Работники мистера Мелбери уже грузили вязанки в фургоны, и на таком расстоянии казалось, что их фонари окружены серыми кругами, какие ложатся вокруг утомленных глаз. Пока запрягали лошадей, Марти помедлила на пороге, а затем вошла в дом.

Глава 4

В воздухе уже явственно ощущалось наступление утра, и вскоре на свет появился пасмурный зимний день, как мертворожденный ребенок. Деревня проснулась более часа назад: в это время года крестьяне встают до рассвета. Еще ни одна птица не вынула головы из-под крыла, а в деревне зажглись два десятка огней в двух десятках спален, распахнулись двадцать пар ставней, и двадцать пар глаз взглянули на небо, чтобы определить, какая сегодня будет погода.

Совы, ловившие мышей в сараях, кролики, объедавшие деревья в садах, и горностаи, пившие кровь кроликов, заслышав, что соседи их — люди — уже шевелятся, благоразумно попрятались до следующей ночи.

При свете дня обозначилась вся усадьба мистера Мелбери. Она представляла собой четырехугольник, с трех сторон заставленный разного рода постройками; центральной и самой большой из них был жилой дом. Открытой стороной четырехугольник выходил на улицу.

Поместительный дом глядел на прохожих с чувством собственного достоинства; и он, и его одряхлевшие соседи своим видом указывали на то, что Малый Хинток некогда играл куда более важную роль; о том же свидетельствовало и старинное его наименование: Хинток Сент-Осмонд. Дом Мелбери был не старинный, но достаточно старый, хотя и не запущенный особняк; старость его не была почтенной, он не поседел, а просто слинял с лица; фасад его смотрел на вас из начала Георгианской эпохи, еще свежей в памяти, и поэтому пробуждал воспоминания куда живее, чем древние и величественные сооружения, взывающие к нам из туманных далей Средневековья. Сравнивая этот дом с неприятзательными современными постройками, можно было представить себе лица, одежду, страсти, добрые и недобрые чувства прапрадедов и прапрабабок, которые первыми смотрели в эти прямоугольные окна и стояли под этой сводчатой дверью. Если как следует вслушаться, в таком доме можно услышать отзвуки чьих-то странных судеб, не то что в древнем замке или монастыре, где давно уже смолкло самое эхо.

Фасад, обращенный к саду, в общем сохранил свой первоначальный вид, здесь были дверь и крыльцо. Однако главный вход в дом находился со стороны четырехугольного двора, обращенного к улице; двор был некогда рассчитан на то, чтобы по нему могла проехать и развернуться карета; сейчас же вся середина его была завалена

фашинником, бревнами, брусьями и тому подобными предметами. От улицы его отделяла грязная, поросшая мхом стена с воротами, навешенными на покосившиеся столбы с круглыми белыми шарами.

В длинной постройке по левую руку изготавливали кровельный материал, пилили бревна на доски, сколачивали кормушки и занимались разного рода плотницкой работой. Напротив располагались сараи, в один из которых ночью Марти сложила свою работу.

Здесь-то и остался Уинтерборн после внезапного ее бегства, желая проследить, чтобы все фургоны были нагружены как следует. Уинтерборн был связан с семейством Мелбери многими узами. Их объединяли не только сентиментальные воспоминания о том, что первая миссис Мелбери любила его отца: тетка Уинтерборна много лет назад вышла замуж за единственного брата лесоторговца и вместе с ним уехала из Англии. Этого брака было вполне достаточно для того, чтобы поставить Уинтерборна на одну ступеньку общественной лестницы с семейством Мелбери. В таких обособленных деревнях, как Малый Хинток, соседи связаны узами родства не менее тесно, чем европейские династии, и во всей деревне едва ли можно было найти два дома, не состоящих между собой в родстве.

Благодаря этому обстоятельству между мистером Мелбери и Уинтерборном существовали некие дружеские взаимоотношения, основанные на своего рода неписаном законе, по которому оба считали своим долгом идти на взаимные уступки и все решать по справедливости. У лесоторговца Мелбери самой страдной порой были зима и весна. Уинтерборн занимался садоводством и приготовлением сидра и отправлял свой товар на рынок в осеннюю пору, поэтому, когда яблоки начинали падать, Мелбери давал ему лошадей, фургоны и даже работников. В свою очередь, Уинтерборн, как мы уже видели, помогал Мел-

бери в холодное время года, когда спрос на товары лесоторговца особенно возрастал.

Уинтерборн уже собирался уйти из сарая, когда к нему прибежал мальчик из дома и сказал, что мистер Мелбери хочет его видеть и просит подождать. Уинтерборн направился в длинный сарай напротив, где уже трудились несколько человек; двое из них были сезонники из Уайтхарт-Лейна, неизменно появлявшиеся в пору заготовки кровельного материала, а когда работа кончалась, тихо исчезавшие до следующего сезона.

Чего-чего, а топлива в Малом Хинтоке было в избытке, так что в сарае весело полыхали щепки и стружки, и свет их еще соперничал со светом дня. В полых тенях под крышей виднелись бесцветные и безвольные побеги плюща, которые, пробравшись между черепицами, теперь тщетно искали опоры; из-за отсутствия солнечного света листья на них были мелкие и хилые; плющ же, росший на свету, с такой силой давил снизу вверх на застрехи, что, казалось, готов был приподнять саму крышу.

Кроме уже упомянутых сезонников в сарае находились: живший неподалеку столяр Джон Апджон, пыльщики старый Тимоти Тенге и молодой Тимоти Тенге, фермер Батри, промышлявший изготовлением сидра, у огня грел руки старый Роберт Кридл, работник Уинтерборна. Их привлек весело разгоревшийся огонь, и они зашли в сарай, хотя не имели в нем решительно никакого дела. Отдельного описания никто из них не заслуживает, разве что Кридл. Чтобы всесторонне изобразить его, пришлось бы начать с воспоминаний о войне, ибо из-под холщового халата у него выглядывал ворот выдавшего вида солдатского мундира с чужого плеча; продолжить воспоминаниями об охоте, чтобы включить в картину высоченные сапоги, купленные по случаю, и закончить воспоминаниями о путешествиях и кораблекрушениях, ибо в кармане он носил складной нож — подарок моряка, бывавшего

в разного рода переделках. Жизнь самого Кридла была лишена событий, и он хранил эти памятки войны, охоты и приключений, нимало не задумываясь над тем, какие мысли они способны вызвать у стороннего наблюдателя.

Пока руки заняты, думы обычно далеки от предметов труда, и побасенки, истории и семейные хроники, которые мастера своего дела рассказывают за работой, настолько богаты подробностями, что пересказать их просто нет возможности.

Увидев, что мистера Мелбери еще нет, Уинтерборн вышел на улицу, и беседа, прерванная его приходом, потекла вновь, в лад каплям сгустившегося тумана, которые монотонно струились с ветвей.

В сарае обсуждался вечный неразрешимый вопрос — свойства характера миссис Чармонд, владелицы окрестных рощ и лесов.

— Шурин мне говорил, а уж он-то знает, — рассказывал Кридл, — что она сидит за обедом в таком платье, что считай, что голая. Когда только ее увидел, он сказал себе: «Мерзкая баба, ты ходишь в церковь, стоишь на коленях и делаешь вид, что святей тебя и на свете нет, а сама обсчитываешь арендаторов на медяки, как последний торгаш, да и хлеб Господень ешь только что не нагишом!» Кто знает: может, она уже образумилась, — а в общем, не все ли равно, что там делается с тех пор, как мой шурин оттуда сбежал.

— И она это вытворяла еще при муже?

— Не знаю... Навряд ли, нрав у него не такой. М-да! — От малоприятных мыслей Кридл склонял голову ниже и ниже, на глазах его появились слезы: — Это был крепкий орешек! «Пусть ангелы небесные сойдут просить за тебя, — сказал он мне, — но ты все равно не останешься здесь ни днем дольше!» Да, он мог сказать что угодно, да и кощунствовать был мастак. Ну ладно, надо снести все эти вязанки домой и завтра с божьей помощью взяться за дело.

В сарай вошла старуха, служанка мистера Мелбери, постоянно сновавшая по двору между домом и сараем. Сейчас она пришла за растопкой. Когда она прислуживала в гостиной или спальне, лицо ее изображало униженность и угодливость, когда же появлялась в сарае или вообще на людях, на нем было выражение суровости и надменности.

— А, бабушка Оливер! — приветствовал ее Джон Апджон. — Сердце радуется при виде такой шустрой, юркой старушки. Еще бы, после пятидесяти каждый год можно считать за два! Однако сегодня ты растопила печь поздновато — дым у тебя пошел в четверть восьмого по моему будильнику. Так-то, бабушка Оливер!

— Ты такой недомерок, Джон, что люди просто не замечают твоего ехидства. При твоём росточке ни одна женщина не обратит на тебя внимания, хоть плюй на нее огнем и серой. Бери, — сказала она, протягивая одному из работников прут, на который был надет длинный кусок кровяной колбасы, — это тебе на завтрак; если хочешь чаю, зайди в дом.

— Что-то мистер Мелбери сегодня запаздывает, — сказал молодой Тимоти Тенге.

— Да. Сегодня и рассвело поздно, — ответила миссис Оливер. — Даже сейчас так темно, что невозможно отличить босяка от джентльмена или Джона от метлы. Кажется, к тому же хозяин сегодня плохо спал: все тревожится за дочку. Я-то знаю, что почему: сама целое ведро слез выплакала.

Когда старуха ушла, Кридл сказал:

— Он с ума сойдет, если дочка скоро ему не напишет. Да, учење надежней, чем дома да земля. Только держать девку в школе, когда она уже вымахала выше мамы, это просто судьбу искушать.

— Кажется, и дня не прошло, как она тут с куклами возилась, — сказал молодой Тимоти Тенге.

— Я еще помню ее мать, — сказал столяр. — Она всегда была такая тоненькая, хрупкая; пальчики нежные, холодные: дотронется — как ветерок. А когда ей привили оспу — так ей хоть бы что. Это было как раз тогда, когда я выходил из подмастерьев... И долго же я в них ходил. Я работал у мастера шесть лет и триста четырнадцать дней.

Столяр произнес число дней с таким выражением, словно оно было более важно, чем число лет.

— Она раньше дружила с отцом мистера Уинтерборна, — сказал старый Тимоти Тенге. — Мистер Мелбери ее отбил. Она была совсем дитя и, чуть что, плакала в три ручья. Мистер Мелбери переносил ее через все лужи, как куколку, чтобы не запачкалась. Если он продержит дочку в пансионе так долго, она будет такая же нежная, как ее мать. А вот и хозяин.

Несколькими минутами раньше Уинтерборн увидел, как мистер Мелбери выходит из дому. В руке у него было вскрытое письмо. Он шагал прямо к Уинтерборну. Тревога минувшей ночи совершенно исчезла с его лица.

— Я, Джайлс, никак не мог понять, отчего это она не едет и не пишет, пока вот не получил от нее письма. «Клифтон, среда. Дорогой отец, — пишет она, — я приеду домой завтра (это значит сегодня), вот и решила, что не стоит извещать об этом заранее». Вот плутовка: она, видите ли, решила! Послушай, Джайлс, поскольку ты уж сегодня везешь в Шертон свои яблони, то давай встретимся все там и вернемся домой втроем.

Он обращался к Уинтерборну радостно и энергично: это был совсем не тот человек, которого Марти видела в темный предрассветный час. Так уж заведено, что даже самые мрачные люди легче поддаются оживлению, нежели унынию; душа все же легче, чем беды, и всегда всплывает над их океаном*.

* Шекспир У. (1564–1616). Гамлет. Акт. III, сцена I.

* * *

Обычно медлительный Уинтерборн согласился сразу и даже с некоторой поспешностью. По-видимому, у Марти были все основания пожертвовать волосами, коль скоро она дорожила ими для привлечения Джайлса. Что же до лесоторговца, то он прямо вел дело к браку дочери и Уинтерборна. В этом он видел свой непрременный долг и старался как можно лучше его исполнить.

В сопровождении Уинтерборна Мелбери направился к сараю, и тогда-то шаги его были услышаны работниками.

— Ну, работнички, — сказал он, кивая им, — прохладненькое нынче утро.

— Вот именно, сэр, — энергично ответил Кридл; он все никак не мог решиться уйти и засесть за работу, а потому испытывал необходимость вести себя поразвязней. — Кто знает: может, это самое прохладное утро за всю осень.

— Я слышал, вы тут удивлялись, с чего я так долго держу дочь в пансионе, — заговорил мистер Мелбери, поднимая глаза от письма, которое перечитывал у огня; он повернулся со своей обычной резкостью и язвительно спросил: — Ну? Я же слышал. Ладно, хоть это вас не слишком касается, я объясню вам. Когда я был мальчишкой, другой мальчишка, сын священника, спросил меня при товарищах: «Кто тащил кого вокруг стен чего?» — и я ответил, что, когда жена Сэма Баррета родила, он носил ее в кресле вокруг церкви. Мальчишки стали надо мной издеваться, и я просто сгорел со стыда. Ночью я проплакал всю подушку насквозь, но потом подумал: «Смейтесь надо мной: отец меня ничему не выучил, мне так и жить — но зато над моими детьми никто смеяться не сможет, чего бы мне это ни стоило». Слава богу, мы не голодали, пока моя дочь училась. А теперь она такая ученая, что сама учила других в пансионе. Пусть теперь посмеются: сама миссис Чармонд знает не больше, чем моя Грейс.

Уязвленная гордость пробивалась в мистере Мелбери сквозь маску деланого безразличия, и работники не на-

шлись что ему ответить. Уинтерборн слушал его с интересом, но молча: все время стоял у огня, пошевеливая угли прутом.

— Так мы встречаемся, Джайлс? — продолжал Мелбери, словно освобождаясь от дум. — Ну а что нового было вчера в Шотсфорде, мистер Баутри?

— Что ж, Шотсфорд — это Шотсфорд: без денег там не накормят, — а кружечку настоящего и за деньги не купишь... Но, как говорится, поезжай за тридевять земель и там услышишь о собственном доме. Как будто наш новый сосед доктор, как его там, ну тот странный джентльмен, который все время читает, — будто бы он продал душу нечистому.

— Бог его разберет, — пробормотал лесоторговец; новость его не заинтересовала, однако слова Баутри напомнили о некоем уговоре. — Я как раз сегодня утром договаривался о встрече с одним джентльменом, а мне придется ехать в Шертон-Аббас встречать дочку.

— Интересно, сколько доктор получил за свою душу, — сказал старый Тимоти Тенге.

— Это все только бабьи рассказы, — продолжал Баутри. — Говорят, что он разыскивал книги не то по какой-то тайной науке, не то по черной магии, и чтобы никто в округе не прознал про это, выписал их прямо из Лондона, а не из Шертонна. Посылку же по ошибке принесли к священнику, а того не было дома. Жена возьми и раскрой ее, а когда почитала их и поняла, что ее муж — еретик и погубит детишек, с ней сделался обморок. Но тут он пришел и сказал, что ничего такого не знает, и догадался, что книги посланы этому самому мистеру Фитцпирсу, поэтому написал на посылке «Остерегайтесь!» — и отправил ее с пономарем.

— Должно быть, занятный мальчик, — высказался столяр.

— Должно быть, — подтвердил старый Тимоти Тенге.

— Чепуха! — решительно сказал мистер Мелбери. — Этот джентльмен просто любит науки, философию, по-

эзию и тому подобное; ему здесь скучно, вот он и при-
страстился к чтению.

— М-да, — сказал старый Тимоти Тенге, — странно,
что все доктора чем хуже, тем лучше. Я хочу сказать, что,
если услышишь о них такое, можно поставить десять к од-
ному, что они вылечат вас, как никто.

— Это верно, — с чувством подтвердил Баутри. — Кто
как, а если со мной что случится, я теперь пойду не к ста-
рому Джонсу, а прямо к этому. В прошлый раз старый
Джонс прописал мне такое лекарство, что я и вкуса его
не почувствовал.

Как знающий человек, мистер Мелбери не прислу-
шивался к подобным суждениям, тем более что его за-
нимали мысли о деловом свидании, про которое он чуть
было не позабыл. Он прохаживался взад-вперед по сараю
и глядел себе под ноги, как обычно бывало с ним в ми-
нуты нерешительности. Руки и ноги у него были прямые,
почти негнушиеся — следствие тяжелой физической ра-
боты, ибо в молодости он начинал лесорубом, а в люди
выбился только благодаря трудолюбию и выносливости.
Он мог бы порассказать о каждом ушибе, о каждом вы-
вихе: это он заработал, когда один нес домой на левом
плече длинное бревно от Татком-Боттома; это — когда на
лесоповале его ударил по ноге вяз; другую ногу он растя-
нул, корчюя пень. Изнуренный тяжелым трудом, он едва
дотягивал до ночи, но на следующее утро вставал как ни
в чем не бывало: усталость проходила и, казалось, никогда
не вернется, и, уверенный в непобедимой силе молодости,
вновь возвращался к трудам. Но годы предательски копи-
ли болезни, и на склоне лет Мелбери поразили ревматизм,
подагра и судороги, в которых он безошибочно узнавал
то или иное происшествие, от которого своевременно не
предостерегся.

Бабушка Оливер позвала Мелбери завтракать, и он
ушел. На кухне, где во избежание лишних хлопот хозя-

ева завтракали в зимнее время, он уселся у очага и долго глядел на голубоватые блики, плясавшие на побеленной стене, которую слегка желтил свет из окна.

— Прямо не знаю, что делать, — сказал он наконец жене. — Совсем забыл, что в двенадцать я должен встретиться с управляющим миссис Чармонд в Круглом лесу, а мне еще надо съездить за Грейс.

— За ней может съездить Джайлс. Это даже поможет им лучше сдружиться.

— Можно и так, только мне хотелось бы съездить самому. До сих пор я всегда сам встречал ее всегда. Так приятно приехать в Шертон и ждать ее! Она может еще и расстроиться, если я ее не встречу.

— Ты сам расстроился, а за нее не беспокойся: ее встретит Джайлс, — сухо сказала миссис Мелбери.

— Ладно... пошлю его.

Спокойствие миссис Мелбери действовало убедительней, чем горячность, которая не привела бы ни к чему. Вторая жена лесоторговца отличалась уравновешенностью; она нянчила Грейс, когда мать той была смертельно больна, и успела привязать к себе девочку. Когда матери не стало, Мелбери, опасаясь, что единственная женщина, которая может позаботиться о его дочери, вдруг покинет их, уговорил кроткую Люси выйти за него замуж. Эта сделка — а это была отчасти сделка — оказалась удачной: Грейс было хорошо, да и сам мистер Мелбери не раскаивался.

Он возвратился в сарай и, увидев Джайлса, сообщил ему о своем намерении.

— Она приедет не раньше пяти: ты успеешь закончить дела и встретить ее, — сказал Мелбери. — Возьми зеленую двуколку, на ней ты доедешь скорее, и вам не придется возвращаться в потемках. За вещами можно послать фургон.

Не подозревая, что лесоторговец стремится загладить свою вину, Уинтерборн счел все это счастливой случай-

ностью; он еще более мистера Мелбери торопился сбывать саженцы до приезда Грейс, поэтому был готов отправиться в путь сейчас же.

Мистер Мелбери позаботился о том, чтобы выезд имел достойный вид. Колеса двуколки, которые в зимнее время мыли редко, ибо их тут же залепляла дорожная грязь, были сегодня надраены до блеска. Сбрую начистили ваксой, и, когда уже была запряжена старая белая лошадь, а Уинтерборн сидел на козлах, готовый тронуться в путь, мистер Мелбери вышел с сапожной щеткой и собственноручно обмахнул сверху желтые копыта лошади.

— Видишь ли, Джайлс, — приговаривал он, — она ведь из новомодной школы, и простые домашние вещи могут ей не понравиться. Женский глаз приметлив. Мы тут живем в стороне ото всего и не замечаем нашу грязь, а она только что из города, и сразу все углядит.

— Углядит, — подтвердил Джайлс.

— И будет нас презирать.

— Не будет.

— Верно, верно, это я только так сказал. Она очень хорошая и не будет нас презирать. Но ведь она столько знает, да еще с последнего приезда столько навидалась, что надо уж постараться, чтобы мы ей понравились. Она не была у нас целый год, потому что летом ездила за границу; я на все иду — только бы ей было лучше. Понятно, мы ей покажемся мелкими поначалу — конечно, только поначалу.

Мистер Мелбери старался делать вид, что осуждает собственную незначительность, но его интонации выдавали гордость: еще бы, разве это возвышенное, утонченное существо не было его безраздельной собственностью? Иные чувства испытывал Джайлс: его терзали сомнения, он больше не ждал ничего хорошего, ибо все слова мистера Мелбери относились непосредственно и к нему, — поэтому неодобрительным взглядом окинул свой костюм.

В сезон посадок Джайлс обычно возил на рынок яблоньку как образец и рекламу своего дела. Эту яблоньку, сегодня привязанную к двуколке, придется отдать кому-нибудь в городе, чтобы она не смущала взгляда возвращающейся домой мисс Грейс Мелбери.

Двуколка тронулась; веточки яблоньки затрепетали; мистер Мелбери скрылся за дверью, но не успела двуколка исчезнуть из виду, как он выбежал на улицу и прокричал:

— Эй, Джайлс! — Задыхаясь, он нагнал Уинтерборна и вручил ему несколько пледов. — Вдруг вечером похолодает. Она, может быть, захочет укутаться во что-нибудь теплое. И еще, Джайлс, — добавил он, когда молодой человек уложил пледы и натянул вожжи, — объясни ей, что я бы, конечно, приехал сам, но у меня важное дело с управляющим миссис Чармонд. Не забудь.

Он стоял и смотрел на дорогу, по которой удалялась двуколка с Уинтерборном и, как с ним часто бывало в минуты волнения, отрывисто бормотал:

— Ну вот, теперь, может, они столкнутся — и делу конец! Жалко отдавать такую дочь за него... Черт знает как жалко... И все же надо... ради его отца.

Глава 5

По дороге в Шертон-Аббас Уинтерборн не испытывал ни воодушевления, ни подавленности. Займись он рефлексией, к которой все больше склоняются влюбленные наших дней, он вероятнее всего почувствовал бы гордость, признав за собой редкое достоинство — способность в трудные минуты сдерживать чувства и не терять здравого смысла. Но ни о чем подобном он не задумывался. Не размышлял он и над тем очевидным обстоятельством, что хоть и питал самые теплые и искренние чувства к Грейс Мелбери, но рабом ее никоим образом не был. Тут надо вспомнить, что он не видел ее целый год.

Выезжая на длинный плоский тракт, утопанный в те времена, когда путешествовать означало ходить пешком, Уинтерборн заметил перед собой съезжившуюся фигурку в деревянных башмаках. Весь вид решительно шагавшей и занятой своими мыслями девушки ясно говорил, что идет она по делу, а не ради удовольствия. Нагнав ее, он узнал Марти Саут.

«Клик-клик-клик», — стучали деревянные башмаки, но девушка не оборачивалась, поскольку давно уже догадывалась, что приближающейся повозкой правит Джайлс. Ей было не по себе, но, зная, что от встречи не уклониться, она только сжала задрожавшие губы и, чтобы не выдать себя, зашагала еще решительнее.

— Марти, отчего вы в деревяшках? Дорога, правда, грязная, но обочины ведь сухие.

— Оттого что берегу ботинки.

— Но идти двенадцать миль в деревяшках — вы же собьете ноги. Ну-ка влезайте сюда.

Подумав, Марти сняла башмаки, постучала ими о колесо, чтобы вытряхнуть набившиеся камешки, и уселась в двуколку перед подрагивавшей яблонькой. В дорогу она надела большой чепец, скрывший отсутствие волос так искусно, что ее внешность почти не пострадала. Впрочем, Джайлс все видел и прекрасно понимал, в чем дело, так как подобная купля-продажа в этих краях совершалась хоть и нечасто, но не впервые. Он не подозревал только, что проданное сокровище совсем рядом, в каких-нибудь двух футах от него. Длинные каштановые пряди Марти лежали у нее в корзинке в пакете из оберточной бумаги, который она не могла никому доверить ради сохранения тайны.

Неуверенным голосом Джайлс осведомился о здоровье мистера Саута.

— Отцу лучше, — ответила Марти, — через день-два сможет работать. Да он бы давно был на ногах, если бы не

дерево. Ему все кажется, что его вот-вот придавит наше дерево.

— Вы, должно быть, поняли, отчего я нечасто справляюсь о вашем отце, — продолжал Уинтерборн.

— Кажется, да.

— Вы думаете, дело в домах?

Марти кивнула.

— Поймите меня, Марти, я в самом деле беспокоюсь о вашем отце, а не о домах, которые потеряю, если он умрет. Хотя дома, конечно, не шутка — от них идет половина моих доходов... Как нелепо, что дома сдаются пожизненно: из-за этого возникают такие сложные отношения!

— После смерти отца они перейдут к миссис Чармонд?

— Да.

«Как и мои волосы», — подумала Марти. Так, разговаривая, они подъехали к городу, но Марти не могла позволить себе проехать рядом с Джайлсом по улице.

— Это право принадлежит другой, — сказала она с шутливым вызовом, надевая деревянные башмаки. — Хотела б я знать, о чем вы сейчас думаете! Спасибо, что подвезли на такой красивой двуколке. До свидания.

Он слегка покраснел, покачал головой и въехал в город. Его путь лежал мимо церквей, мимо аббатства и других зданий, которые этим ясным светлым утром обладали четкостью линий первоначального замысла, словно на несколько мгновений перед нашим равнодушным веком вспыхнула мечта их строителя, какого-нибудь Виларса или другого средневекового зодчего, так и не познавшего славы. В прозрачном воздухе это видение предстало перед Джайлсом, но он не был способен понять его и равнодушно свернул во двор трактира.

Марти, шедшая той же дорогой, спешила в парикмахерскую мистера Перкомба. Он был главным лицом в своей профессии на весь Шертон-Аббас. К его клиентуре принадлежали боковые отпрыски знатных родов, поневоле

скромно живущие в небольших особнячках этого старинного города, местное духовенство и прочие знатные персоны. Для некоторых из них он изготавливал парики, но и те, кто не прибегал к его услугам при жизни, неизбежно попадали в его руки после смерти для последнего туалета. В силу этих обстоятельств на его доме не было вывески, сам же он именовал себя аристократическим куафером.

Тем не менее эта деятельность не давала ему возможности прокормить семью, а ведь дети должны быть сыты, поэтому во дворе лицом к переулку на его доме висела обычная вывеска обычной цирюльни, которая ничего общего не имела с солидным салоном, выходившим на главную улицу. Здесь субботними вечерами с семи до десяти он без передышки взимал по два пенса с работников окрестных ферм, стекавшихся к нему толпами. Так он и жил.

Марти, разумеется, вошла в салон со стороны улицы и молча вручила ему пакет.

— Спасибо, — сказал обрадованный парикмахер. — Я совсем было отчаялся после того, что услышал от тебя вчера вечером.

При упоминании о вчерашнем разговоре она отвернулась, чтобы скрыть стоявшие в глазах слезы.

— Ни слова о том, что я тебе сказал, — проговорил он шепотом, так как в салоне были посетители. — Впрочем, я вижу, что на тебя можно положиться.

Исполнив это мучительное обязательство, Марти безразлично зашагала по другим делам, а разделавшись с ними часам к четырем, на обратном пути вновь оказалась на рыночной площади, где нельзя было не заметить Уинтерборна. Каждый год в эту пору осени он стоял на площади со своей яблонькой, которая высоко поднимала над толпой ветви и наводила людей на благую мысль о садах среди тесных зданий. Когда Марти в последний раз взглянула на Джайлса, он стоял в стороне и сжимал

деревцо как древко знамени, но сам смотрел в землю и не старался выставить свой товар напоказ. Его торговля как сидром, так и саженцами обычно шла не слишком успешно, ибо если он заговаривал с покупателем, никогда не старался расхвалить свой товар, а это, разумеется, не служило к пользе дела.

В это самое мгновение Джайлс тоже поднял глаза, только взгляд его обратился в другую сторону, и лицо вспыхнуло от радости и удивления. Обернувшись, Марти увидела стройную юную особу, в которой признала мисс Грейс Мелбери, впрочем, лучше одетую и более изысканную, чем в прежние времена. Яблонька словно пригвоздила Джайлса к месту; не в силах шагнуть, он свободной рукой снял шляпу и растерянно смотрел, как Грейс на цыпочках пробирается к нему по грязи.

Марти догадалась, что столь ранний приезд мисс Мелбери был неожиданностью для Джайлса и что он не готов к встрече. Мелбери говорил ему, что Грейс прибудет не раньше пяти, и весь день перед ним маячил этот срок. И вот оказывается, что она уже здесь и в его приготовлениях нет смысла. Джайлс нахмурился, видя, что ей пришлось самой разыскивать его и что она чувствует неловкость от встречи на рыночной площади под десятифутовой яблонькой. Сняв перчатки, нарочно купленные в дорогу, Грейс протянула Уинтерборну белую руку с розовыми пальчиками. Рукопожатие, осененное яблонькой, являло собой зрелище, какого не знали улицы Шертон-Аббаса.

В выражении лица Грейс и словах приветствия была вполне объяснимая сдержанность. Действительно, по сравнению с фермерами Джайлс Уинтерборн был недурно одет и неплохо воспитан, но рядом с Грейс Мелбери выглядел деревенщиной. В задумчивой тишине Малого Хинтока ему порой приходило в голову, что внешние, малосущественные свойства человека — скажем, форма

и цвет шляпы, покрой пиджака, фасон ботинок или случайный взгляд, жест, поза — могут сильно повлиять на мнение женщины о мужчине. И сейчас его обычное скептическое отношение к себе и окружающему миру удержали Джайлса от каких-либо проявлений радости. Грейс мгновенно почувствовала, что ей следует быть суровой и этим наказать его нерешительность.

Отдав яблоньку первому встречному, охотно принявшему обременительный подарок, Уинтерборн тут же направился с Грейс к трактиру, где остановился утром. Марти шагнула было вперед, чтобы поклониться мисс Мелбери, но удержалась и отступила за ближайший фургон.

«Зачем я им?» — подумала она, критически оглядывая спутницу Уинтерборна.

Описать Грейс Мелбери в эту минуту, да и в любое другое время, весьма затруднительно. С высшей точки зрения описать человека вообще невозможно: как-никак в нем сосредоточена целая вселенная, — но в данном случае, даже не призывая на помощь философию, придется признать, что едва ли когда-нибудь попытка оценить женщину по ее внешности бывала менее успешной. Попросту говоря, Грейс Мелбери в иные минуты казалась очаровательной, в иные — нет: все зависело от ее настроения и состояния здоровья.

Впрочем, если говорить только о внешности, Грейс была блондинка с чистым, скорее бледным, нежели румяным, лицом и тонкой гибкой фигурой. В ее глазах читалось стремление узнать, что думает собеседник, прежде чем высказать свое мнение, а возможно, и посмотреть, как поступят другие, прежде чем самой решиться на поступок. В очерке ее тонких нежных губ, по-видимому, едва привыкших сдерживать чувства, была мягкость, скрывавшая заметное в ее чертах болезненное самомнение. Работая над портретом Грейс, живописец, наверное, написал бы ее красивые брови праутовской или ван-дейковской коричневой.

В платье Грейс тоже не было ничего особенно примечательного, разве что для шертонских глаз покррой его выдавался своей новизной. Будь это платье даже экстравагантно — что бы это прибавило к нашему портрету? Ничто не говорит о личности женщины меньше, чем ткань, цвет, покррой ее одежды, ибо они от нее не зависят: женщина едва успевает бросить на них одобрительный взгляд, когда ей укажут, какой надо носить фасон и цвет, потому что где-то за нее уже решили, что сейчас надо одеваться так, а не иначе.

Бегло взглянув на Грейс, люди замечали ничтожно мало — главным образом то, что не было ею самой. Переменчивая и неуловимая, она имела мало общего с образом, представшим перед глазами шертонцев; она оставалась загадкой, и разгадать ее сущность можно было, лишь соединив все случайно подмеченные движения и взгляды, а на такое постоянное участливое внимание способна только любовь.

Воспользовавшись тем, что Грейс и Уинтерборн задержались в городе, Марти Саут поспешила домой: ей хотелось уклониться от встречи с ними в дороге, чтобы не помешать их приятному уединению. Она шагала так торопливо, что проделала треть пути, когда обнаружила, что в быстро сгущавшихся сумерках ее нагоняет повозка. Взбираясь на холм, она ясно различила очертания двуколки у поворота в низине: головы ехавших в ней, казалось, слегка наклонялись друг к другу, как вожжи сближают непослушных коней, — и прибавила шагу.

Между ними, однако, оказался еще один экипаж — очевидно, двухместная карета, ехавшая в том же направлении с зажженными фонарями. Когда карета нагнала девушку — а на это потребовалось немало времени, ибо Марти шагала быстро, — было уже совсем темно, и за ярким светом фонарей не удавалось разглядеть, кто сидит внутри.

Марти еще раньше подумала, что, если не отставать от кареты, быть может, удастся избежать унижительной встречи с Грейс и Уинтерборном, поэтому, когда на долгом подъеме карета поравнялась с ней, она зашагала рядом с колесами, ярко освещаемая светом ближайшего фонаря. Чуть-чуть отстав, она заметила, что карета вдруг остановилась, и, к изумлению Марти, кучер через плечо спросил, не надо ли ее подвезти. Самое странное было то, что кучер пригласил ее, несомненно, не по своему желанию.

Марти с радостью согласилась, после целой ночи трудов и дня на ногах ее одолевала усталость. Взобравшись на козлы рядом с кучером, она молча радовалась такой удаче. Кучер был огромен и суров с виду, и Марти долго не решалась к нему обратиться, но наконец проговорила:

— Кто это так любезно пригласил меня?

— Миссис Чармонд, — величественно ответил ее сосед.

Марти взволновало это имя, столь тесно связанное с переживаниями минувшей ночи, и она прошептала:

— И карета ее?

— Да, она сама в ней едет.

Марти подумала, что миссис Чармонд узнала ее в свете фонаря по стриженной голове — лицо Марти упорно отворачивала — и догадалась, по чьему желанию острижена эта голова.

Марти была недалеко от истины. Из окна кареты смотрело уже не очень молодое красивое лицо с блестящими глазами, в которых был виден ум, странный и непостижимый; впрочем, сердце этой женщины, не чуждое внезапным порывам, воспламенялось порой безудержной страстью. Вот и сейчас, узнав девушку, миссис Чармонд поддалась движению души, очевидно, испытывая радость при виде Марти, внешность которой свидетельствовала об успехе парикмахера.

— Удивительно, что она тебя пригласила, — важно произнес кучер. — Я такого что-то не припомню, она деревенских обычно не замечает.

Марти промолчала. Несколько раз она оглядывалась в надежде увидеть возвышенное существо, которое, как верно заметил кучер, редко спускалось с облаков и снисходило к дольным крестьянам, однако леди не было видно. Она поискала глазами мисс Мелбери с Уинтерборном. Их лошадь временами чуть не тыкалась мордой в задок кареты миссис Чармонд, но они ни разу не попытались выехать вперед и оказались на свободной дороге, лишь когда карета свернула к воротам парка. Здесь карета остановилась, и в тишине, наступившей перед открытием ворот, Марти услышала негромкий гортанный звук, нежный, как ветерок.

— Что это? — прошептала она.

— Хозяйка зевнула, — ответил кучер.

— С чего это она?

— Да с того, что она привыкла к удивительной, прекрасной жизни, а здесь ей скучно, поэтому она снова опять уедет.

— Такая богатая, все может, и вдруг зевать! — пробормотала девушка. — Выходит, жизнь у нее не счастливей моей.

Когда Марти слезла с козел, свет фонаря опять упал на нее, и нежный голос из отъезжавшей кареты произнес:

— До свидания.

— До свидания, сударыня, — сказала Марти. Ей опять не удалось разглядеть лица миссис Чармонд, второй из двух женщин, весь день занимавших ее мысли.

Глава 6

Тем временем на той же дороге Уинтерборн и Грейс Мелбери предавались своим мыслям и чувствам.

При выезде из города со всех сторон к ним обращались любопытные взгляды; молодые люди думали, что Уинтерборн неплохо устроился, и гадали о его отношениях

с мисс Мелбери. Один Уинтерборн ничего не подозревал. В своих хлопотах он не замечал ни толпы любопытных, ни наряда Грейс и не догадывался, какое зрелище представляют они вдвоем на фоне шертонского пейзажа.

До отъезда они успели обменяться несколькими короткими фразами. Грейс никак не могла взять в толк, что, кроме Джайлса, ее никто не встретит, и все время находилась в некотором замешательстве. Когда город остался позади, Джайлс заговорил:

— Смотрите, как странно выглядит браунлейская ферма: все дома и сараи перенесены из низины на холм.

Грейс согласилась, что ферма и впрямь выглядит странно, хотя, промолчи он, ничего бы не заметила.

— В этом году паслен так уродился, что они не знали, куда его девать, — продолжал Джайлс, кивая в сторону сада, где высились груды неубранных яблок.

— Да, — сказала она, поглядев на другой сад.

— Да нет, вы не туда смотрите, это же не паслен, а яблони! Разве вы забыли, как выглядит паслен?

— Боюсь, что да, к тому же сейчас темно.

Уинтерборн замолк. Он видел, что Грейс охладела к увлечениям и познаниям детства. Может быть, она так же охладела и к нему, мелькнуло у него.

Так или иначе, но в то время как перед его глазами вставали яблони, сараи и фермы, перед нею разворачивались иные, далекие видения, столь же простые и невинные, но совсем иные — широкая лужайка в фешенебельном пригороде веселого города, вечнозеленая листва при свете заходящего солнца, под которой резвятся, щебечут, смеются от полноты счастья прекрасные девушки в изысканных голубых, коричневых, алых, черных и белых платьях, а из открытых окон дома льются звуки арфы и фортепиано. К родителям этих девушек Джайлс обратился бы не иначе, как с почтительным «сэр» или «мэм» — по-женски проницательная Грейс Мелбери не могла этого не сознавать.

Она судила с высоты своих двадцати лет, и, на ее взгляд, скромные фермы не могли идти ни в какое сравнение с рисовавшейся ей картиной. Хотя Джайлс и провел всю жизнь в уединении лесного края, он все же сообразил, что завел разговор на слишком низкую тему, поэтому решил заговорить о самом главном.

— Помните, когда-то давным-давно мы дали друг другу одну клятву. Я часто о ней думаю. Я хочу сказать, что если и сейчас, когда вам двадцать, а мне двадцать пять, мы все еще любим друг друга...

— Это была просто детская болтовня.

— Ах вот оно что! — вырвалось у Джайлса.

— Я хочу сказать, что мы были тогда детьми, — деликатно поправилась Грейс. Прямота его слов показывала, что он мало переменился.

— Прошу прощения, меня послал встретить вас мистер Мелбери.

— Я поняла. И очень рада этому.

От этих слов он, казалось, успокоился.

— Мы тогда возвращались с пикника, — продолжал он, — все набились в крытый фургон вашего отца, как овцы на аукционе, а мы с вами сидели сзади. Темнело, и я кое-что сказал вам — точных слов я не помню, — но вы мне позволили обнять вас за талию, но тут ваш отец — он сидел на передке — вдруг перестал толковать с фермером Болленом и начал раскуривать трубку. Я отдернул руку, но огонь вспыхнул ярко, кое-кто нас увидел, и все стали смеяться. А ваш отец, вместо того чтобы рассердиться, подобрел и даже как будто обрадовался. Вы уже позабыли об этом?

Нет, теперь, когда он упомянул, при каких обстоятельствах это произошло, она, признаться, все вспомнила.

— Но боже, я была тогда совсем маленькая!

— Что вы, мисс Мелбери, разве так можно! Маленькая! Вы сами знаете, что это не так.

Грейс тотчас объявила, что ей не хочется спорить с до-рогим старым другом, и эти слова слетели с ее губ с уклончивостью, в которой всегда есть что-то утешительное. Те времена кажутся ей такими далекими, продолжала она, что если тогда она была подростком, то теперь, должно быть, совсем старуха.

— Вы когда-нибудь пытались взглянуть на жизнь с философской, общей точки зрения? — спросила она.

— Трудно сказать, — ответил Джайлс; его глаза разли-чили впереди темное пятно — это была карета.

— Я думаю, иногда полезно рассматривать себя, как лодку, плывущую по потоку среди других лодок, и раз-мышлять о том, как всем избежать крушения, а не только о том, как спасти себя самого, — продолжала она. — Хо-тите, я расскажу вам о Бате, или Челтнеме, или о городах на континенте — я там была летом?

— Конечно, хочу.

И она принялась описывать города и людей в тех же словах, в каких бы их описала любая другая женщина в Англии любому собеседнику: до того в ее рассказе не было ничего личного, свойственного ей одной, — а за-кончив, весело сказала:

— А теперь расскажите, что произошло в Хинтоке в мое отсутствие.

«Она готова говорить о чем угодно, только не о нас двоих», — подумал Джайлс.

В самом деле, образование и воспитание так сильно изошрили ум мисс Мелбери, что она научилась без за-пинки болтать о чем угодно, умалчивая о том, что знала лучше всего и что ей было интересней всего на свете, — о себе самой.

Не успел Уинтерборн довести до конца свой бесхит-ростный рассказ, как они нагнали карету, уже некоторое время маячившую перед их глазами. Мисс Мелбери спро-сила, чей это экипаж.

Уинтерборн, давно заметивший карету, ни разу не взглянул на нее внимательно, а сейчас, всмотревшись, узнал карету миссис Чармонд.

Она катила легко и плавно и, видимо, вызывала у Грейс куда бóльшую симпатию, чем отцовская двуколка, в которой ее везли домой.

— Коли на то пошло, эти мили мы пролетим так, что держись, — сказал Уинтерборн, угадав ее мысли, и в подтверждение словам хлестнул лошадь. Старая кобыла мистера Мелбери чуть не ткнулась носом в задок ослепительного экипажа миссис Чармонд.

— Там на козлах рядом с кучером Марти Саут, — сказал Уинтерборн, увидев знакомое платье.

— Бедная Марти! Надо сегодня же пригласить ее зайти. Как это она там оказалась?

— Не знаю. Но это очень странно.

Так несколько человек, чьи судьбы тесно переплелись, ехали вместе по одной дороге, пока Уинтерборн не свернул на Малый Хинток, где чуть ли не первым на их пути был дом лесоторговца. Падавший из окон свет выхватывал из темноты белые цветы лаурестина и бликами ложился на блестящие листья лаврового дуба. Отчетливо виднелись комнаты, в гостиной огонь камина отражался в стекле картин и книжного шкафа, а на кухне огонь очага плясал на доньшках сковородок и кастрюль.

— Погодите минутку, я хочу полюбоваться родными местами, — попросила Грейс.

На кухне готовился обед. Обычно Мелбери обедал в час, но сегодня отложил трапезу до приезда дочери. Старый шаткий вертел, укрепленный на тагане, поворачивался при помощи проволоки, протянутой через блок на потолке к камню, висевшему в углу кухни, и в руках бабушки Оливер гремел, как мельничный жернов.

Огромная тень головы миссис Мелбери падала на стену и потолок гостиной, но прежде чем Грейс удалось нагля-

деться на дом, ее присутствие обнаружили, и отец с ма-
чехой поспешили навстречу.

Семейство Мелбери относилось к той породе людей, что не любят выставлять напоказ сильные чувства, — свойство, обычное у деревенских жителей и резко отличающее их от обитателей городов. По виду ничего не значащие слова надежно скрыли истинные переживания, и встреча Грейс с родными на посторонний взгляд была спокойной и сдержанной. Правда, вводя Грейс в дом, отец так забылся, что совсем упустил из виду Джайлса, так же как, кстати, о нем не подумала и сама Грейс. Молча въехав во двор, Уинтерборн вызвал из сарая приставленного к лошадям человека, который все свободное время проводил в бесконечных пересудах с другими работниками. Джайлсу хотелось войти в дом, и он вернулся к дверям.

Семейство было уже в гостиной, но об Уинтерборне никто так и не вспомнил. По-прежнему там горел один камин, озаряя лицо и руки Грейс, отчего они казались удивительно прекрасными и гладкими, особенно рядом с лицом и руками отца и миссис Мелбери; свет проникал и сквозь завитки волос на висках, как солнечные лучи сквозь листву. Глядя на дочь, отец изумлялся, как сильно она повзрослела и переменилась за время отсутствия.

Уинтерборн все это видел, но, не зная, входить ему или нет, стоял и машинально водил пальцами по полустертым буквам на косяке — инициалам прежних обитателей дома, тех, кто в нем жил и умирал.

Нет, решил он, на сегодня хватит, он не станет входить: они забыли о нем, о том, что он привез Грейс домой, — и все-таки его задевало, что Мелбери, так настойчиво желавший, чтобы именно он съездил за дочерью, вдруг отнесся к нему с таким пренебрежением.

Джайлс медленно зашагал по тропинке домой, и у поворота, за которым пропадала из виду усадьба лесоторговца, в последний раз оглянулся. Потом он постарался

вообразить, что говорит в эту минуту Грейс, и, усмехнувшись, подумал: «Ясно, что не обо мне!» Он посмотрел в другую сторону и увидел одинокую кровлю и трубу над убогим домиком Марти и представил себе, как в эту самую минуту она в одиночку сражается с прутьями, горшками и мисками.

Тем временем в доме лесоторговца шел оживленный разговор, к теме которого Джайлс Уинтерборн, как он правильно понял сам, не имел никакого отношения. Одной из причин было то обстоятельство, что мистер Мелбери неожиданно для себя увидел, что дочь его вполне взрослая женщина, и так изумился этому открытию, что образ Джайлса, о котором он все же не мог позабыть совсем, отодвинулся куда-то в самые дальние уголки его сознания. Другой причиной был утренний разговор с управляющим миссис Чармонд, при котором несколько минут присутствовала сама леди. Она давно продала Мелбери лес на корню, а сейчас, когда пришло время рубки, предоставила ему почти полную свободу действий. Как раз об этом и шла беседа в гостиной, в то время как Уинтерборн предавался размышлениям на улице; Мелбери был счастлив, что внес ясность в свои отношения с божеством окрестных рощ и лесов, и эта ясность уравнивала неопределенность в его мыслях касательно Уинтерборна.

— Она мне вполне доверяет, — говорил Мелбери, — я могу теперь валить, пилить, рубить все, что мне нужно, любое дерево в ее лесах, сам могу назначать цену и вести дела. Видит бог, на ее месте я так бы не поступил. Однако ее доверие может весьма пригодиться... Хорошо бы, ей по душе пришлись наши края, тогда бы она жила здесь круглый год.

— Да дело не в том, что миссис Чармонд так тебе доверяет. Просто она терпеть не может наш Хинток, — заметила миссис Мелбери.

После обеда Грейс взяла свечу и отправилась бродить по комнатам старого дома, в котором чувствовала себя сейчас почти чужой. Каждый уголок, каждый предмет вызвали воспоминание и что-то меняли в нем. Потолки оказались ниже, чем ей помнилось по другим приездам, при взгляде на стены бросались в глаза все их неровности и старомодность обоев. Ее собственная спальня выглядела и роднее и незнакомее, чем при отъезде. Обитавшие в ней привычные вещицы смотрели на нее с беспомощной неподвижностью, словно в отсутствие хозяйки не раз пытались сдвинуться с места, да так и не сумели. Над столиком, где горела свеча, когда Грейс зачитывалась в постели до полуночи, на потолке виднелся бурый круг копоти. Она не знала, что отец принял особые меры, чтобы этот круг не исчез во время уборки.

Завершив обход своего бесполезно просторного дома, Грейс почувствовала усталость от дня, проведенного в пути, и легла, как только ее оставили отец с мачехой, заходившие осведомиться, удобно ли ей и горит ли камин. Но стоило Грейс оказаться в постели, как сонливость словно рукой сняло, и она пожалела, что улеглась так рано. От нечего делать она прислушалась к старым знакомым звукам, доносившимся с первого этажа, потом стала смотреть в окно. Ставня была открыта, как она любила в детстве, и на фоне неба обрисовывались неясные вершины деревьев на соседнем холме. Ниже границы света и мрака за ходившими под ветром ветвями мерцал единственный крохотный огонек. Судя по местоположению, он горел в окне дома на склоне холма. Когда Грейс приезжала сюда в последний раз, дом пустовал. «Любопытно, кто там живет теперь», — подумала она.

Однако дальше этой мысли она не пошла, продолжая лениво глядеть на огонек, как вдруг поняла, что он постепенно меняет цвет. Вот он стал сапфирово-синим, вот фиолетовым и, наконец, красным.

Грейс начало разбирать любопытство, она села в постели и стала внимательно следить за огоньком. Подобное явление привлекло бы к себе внимание где угодно, но в Хинтоке, как понимала Грейс, его можно было принять за чудо. В этом краю лесов почти все, что доступно глазу днем или ночью, до сих пор было непосредственно связано с чередованием времен года, и вдруг появляется нечто иное, выбывающее из их размеренного хода, чужое, неведомое.

Грейс слышала, что на первом этаже готовятся ко сну: отец ходил по дому и запирали двери на засовы. Потом запели ступеньки — отец и мачеха прошли к себе мимо ее комнаты. Последней поднялась наверх бабушка Оливер.

Грейс выскользнула из постели, пробежала до двери и, отодвинув засов, окликнула старуху:

— Бабушка, я не сплю. Зайдите ко мне на минутку.

Через мгновение Грейс уже лежала под одеялом, а старуха, погасив свою свечу, уселась на край постели.

— Что это за свет там на холме? — спросила Грейс.

Миссис Оливер взглянула в окно и сказала:

— Ах, тот. Это у доктора. Он все время что-нибудь вытворяет. Вы, должно быть, еще не знаете, что у нас поселился доктор, по имени мистер Фитцпирс.

Грейс подтвердила, что не знает.

— Так вот, мисс, поселился и хочет обзавестись тут практикой. Я-то его хорошо знаю, потому что в свободное время хожу к нему мыть полы, — с позволения вашего батюшки. У доктора на весь дом один слуга-мальчишка, а сам он холостяк. Я-то его хорошо знаю, он иногда говорит со мной совсем как с родной матерью.

— Неужели?

— Да, именно так. Я его как-то спросила, отчего он поселился в нашем безлюдье. А он говорит мне: «Бабушка, дело простое. Я отметил на карте, где на севере кончается практика доктора Джонса, на юге — мистера Тейлора, на

востоке маленького Джимми Грина, а на западе еще чья-то. Потом взял циркуль и нашел середину: эта середина и есть Малый Хинток. И вот я тут...» Бедняга!

— Отчего же бедняга?

— Он мне раз сказал: «Я, бабушка, здесь три месяца, и хоть в обоих Хинтоках с окрестностями немало народу и хоть, говорят, выгодно практиковать в мелких разбросанных деревнях, у меня пациентов что-то маловато. К тому же общества никакого нет, и я прямо с ума схожу от скуки». Сказал и зевнул. Я бы, говорит, «давно свихнулся, кабы не книги да ла-лаборатория и все такое. Я, мол, бабушка, создан для более высокой жизни». И опять принялся зевать.

— А он правда создан для более высокой жизни? Я хочу сказать, он умный человек?

— Ну нет, какое там умный! Уж перелом, верно, залечит и где болит нащупает, особенно если подсказать, но ох уж эти молодые люди! Доживи они до моих годов — сами увидят, какими умниками были в двадцать пять лет! А еще у него есть философии, настоящее философии, послушали б вы, что он мелет! Раз он мне говорит: «Бабушка, с вашего позволения, все есть ничто. Во всем мире есть только я и не-я». И еще говорит, что руки у человека не свободнее, чем стрелки на часах. Да, все чудные мысли, а глазами глядит куда-то вдаль, точно на Полярную звезду.

— Он, верно, скоро уедет отсюда.

— Да не думаю.

Грейс не спросила почему, заметив, что бабушка колеблется, сказать или не сказать. Наконец старуха не выдержала:

— Только не говорите отцу и матери, мисс, и я открою вам тайну.

Грейс пообещала.

— Он меня хочет купить, потому и не уедет.

— Купить вас? Каким образом?

— Да не душу — тело, когда я помру. Раз как-то я у него убираю, а он и говорит: «Бабушка, у вас огромный головной мозг, а у женщины мозг обычно на четыре унции легче, чем у мужчины». И вот — хи-хи! — стал он меня ублажать, десять фунтов пообещал, чтобы, когда помру, получить мою натомию. А у меня никогошеньки не осталось, и никто плакать по мне не будет, вот я и подумала, что уж лучше я после смерти удружу ближнему. Ну, я и сказала ему, что подумаю да скорее всего соглашусь и возьму у него десять фунтов. Только, мисс, никому ни слова, это тайна. Денежки мне очень пригодятся, а кому от этого худо?

— Разумеется. Только, бабушка, как вы могли на такое пойти! Уж лучше бы я этого не знала!

— Уж лучше бы, это верно, раз оно вам так не по душе, мисс. Да вы не тревожьтесь. Господи — хи-хи! — я еще поманежу его не год, не два!

— Надеюсь. Я даже уверена.

Тут девушка задумалась так глубоко, что беседа сама собой прекратилась, и бабушка Оливер, взяв свечу, пожелала мисс Мелбери доброй ночи. Грейс не сводила глаз с далекого мерцающего огонька, вокруг которого сейчас роились ее неясные раздумья и мечты. Она пыталась в воображении нарисовать образ философа, таившегося за полночным огоньком. Странно, что, вернувшись из огромного мира в Малый Хинток, она нашла в этом заброшенном уголке средоточие передовых идей и поступков, чуждых окружающей жизни и тем похожих на редкое тропическое растение, попавшее в деревенскую живую изгородь. Странное пристанище нашли здесь химические опыты, анатомические исследования и метафизические умозаключения.

Так она размышляла, соединяя предполагаемые занятия человека, который зажег огонек, с его воображаемыми чертами, но вот ее веки сомкнулись и она уснула.

Глава 7

Всю ночь Грейс Мелбери снился то таинственный доктор-алхимик, то скелет бабушки Оливер, то лицо Джайлса Уинтерборна. Когда она проснулась, стояло ясное утро. Дул северный ветер, вполне приемлемый как компромисс между режущим восточным и промозглым западным. Грейс выглянула за окно в сторону давешнего огонька и сквозь деревья различила далекие очертания дома, в котором поселился доктор. Почему-то при ясном и трезвом свете дня в ней угас интерес к этому незнакомому нелюдимому джентльмену, который так тревожил ее во мраке ночи своей личностью и занятиями, и за туалетом Грейс забыла о нем совершенно.

Меж тем Уинтерборн, хотя и обнадеженный мистером Мелбери, все же был обеспокоен поведением его дочери. Обычно сдержанный, он сегодня поминутно взглядывал на двери дома лесоторговца, ожидая, чтобы оттуда кто-нибудь появился. И вскоре из дому действительно вышли двое: сам мистер Мелбери и Грейс. Они свернули к лесу, и Джайлс, подумав, отправился за ними, и вскоре все трое оказались под сенью деревьев.

В окрестностях Хинтока было много защищенных от ветра низинок, в которых листва деревьев держалась намного дольше, чем на открытых вершинах холмов, поэтому, хоть по сезону ветви и обнажались, местами глазам представала пестрая смесь времен года: кое-где в лощинах пылающий остролист возвышался рядом с едва тронутым желтизной дубом или орешником и зарослями куманики, листва которой маслянисто зеленела, как в августе. Для Грейс это была хорошо знакомая особенность родных мест, вновь увиденная старая картина.

В эту пору особенно остро воспринимается перемена, которую лес каждый раз претерпевает, вступая в зимние месяцы. В прекрасном проступает нечто странное, острые

углы занимают место волнистых линий и сквозящих светом поверхностей, и на полотне природы этот внезапный скачок от изысканного к примитивному можно сравнить разве что с шагом назад от передовой живописной школы к рисункам туземцев каких-нибудь тихоокеанских островков.

Уинтерборн ступал, не сводя глаз с двух фигур, двигавшихся впереди него по многоцветному лесу.

Соседи на любом расстоянии тотчас узнавали мистера Мелбери по длинным ногам, затянутым у лодыжек гетрами, легкой хромоте и привычке уходить в себя, чтобы внезапно, тряхнув головой, с возгласом «м-да!» пробудиться к реальности. Даже белки и птицы, казалось, знали его. Иногда с тропинки сбегала белка и пряталась за стволом от взгляда мистера Мелбери и его дочери, как будто посмеиваясь: «Хо-хо, ты всего-навсего лесоторговец, и у тебя даже нет ружья!»

Они бесшумно ступали по коврам звездчатого мха, шли по шуршащим насыпям листьев, огибали стволы с торчащими корнями, покрытыми мхом и оттого похожими на руки в зеленых перчатках, пробирались сквозь старые вязы и ясени. В развилках деревьев скапливались целые озера воды, в дождливую погоду они переполнялись и зелеными каскадами выплескивались на ствол. С совсем старых деревьев свисали гроздья древесной губки, похожие на человеческие легкие. Здесь, как, впрочем, и всюду, Несбывшиеся Мечты определяли самый строй жизни и обнаруживали себя не менее ясно, чем в приниженной толпе обитателей городских трущоб. Листва потеряла форму, плавные линии изломаны, в кронах зияют провалы, лишайник высасывает из стволов соки, плюш удушает молодые побеги.

Они вошли в буковую рощу, где под кронами ничего не росло; на молодых ветках еще удержались кое-где листья с лихорадочным румянцем, которые металлически

позванивали под ветерком, совсем как железная листва сказочного Ярнвидского леса. Джайлсу удавалось не терять из виду Мелбери и Грейс, пока за деревьями виднелось светлое пятно ее платья, но вот они скрылись из глаз, и Джайлсу пришлось довериться только слуху. Это было нетрудно, так как на всем протяжении их пути с деревьев то и дело взлетали дикие голуби, ударяясь о ветки с такой силой, что непонятно, как они не ломали себе крылья. Ориентируясь по птичьему шуму, Джайлс вскоре вышел к ступенькам, ведущим через живую изгородь.

Стоило ли идти дальше? Взглянув на влажную, утоптанную перед ступеньками почву, он увидел рядом с большими четкими следами легкие отпечатки ботинок явно не местного пошива: Уинтерборн без труда узнавал изделия местных сапожников, шивших обувь по старинке. Легких следов было достаточно для того, чтобы подбодриться и продолжить путь.

Вид леса теперь изменился. Молодые деревья у корня были догола объедены кроликами, там и тут сквозь подлесок белели кучи свежих щепок и еще не потемневшие срезы на пнях. В этом году была большая рубка леса, о которой лишний раз напомнили донесшиеся до него звуки.

Услышав отрывистый мужской голос, Джайлс вспомнил, что именно на сегодня назначены торги леса и фашинника. Конечно, Мелбери должен быть здесь. Сообразив, что и ему нужно несколько вязанок прутьев, Уинтерборн вышел на поляну, где шел торг.

Покупатели толпились вокруг аукциониста, а когда он умолкал, переходили за ним от одной партии леса к другой наподобие учеников Аристотелевой школы, следовавших за философом по тенистым ликейским рощам. Все это были лесоторговцы, мелкие землевладельцы, арендаторы, крестьяне и прочий люд — главным образом обитатели этого лесистого края. Они шеголяли друг перед другом тростями, в которых запечатлелись самые неожиданные

причуды леса. Чаще всего трость являла собой подобие штопора из белого или черного боярышника — эту форму ему придавала мучительница жимолость, обвивавшая и искривлявшая молодые побеги, — так, по слухам, китайцы, бинтуя грудных детей, превращают их в чудовищные живые игрушки. Две женщины в мужских куртках поверх платьев возили за толпой тележку с бочонком пива, которым они наполняли рога, ходившие по рукам вместе с хлебом и сыром, что они доставали из корзины.

Аукционист орудовал своей тростью как молотком, отстукивая сделку по первому попавшемуся предмету, будь то темя вертевшегося поблизости мальчишки или плечо зеваки, у которого только и было дела, что хлебнуть пива. Это могло бы позабавить зрителей, если бы не строгая неподвижность на лице аукциониста, словно говорившая, что эксцентричность его поступков не каприз фантазии, а следствие совершенной поглощенности делом.

Мистер Мелбери стоял чуть в стороне от ликейской толпы, и Грейс опиралась на его руку. Среди старомодных платьев странно выделялся ее элегантный наряд, и рядом с ним знакомая красота деревьев приобретала новую прелесть: казалось, они требовали, чтобы и в их одеянии появилось что-то модное, современное. Грейс наблюдала за торгами с интересом — в ней пробудились старые воспоминания.

Уинтерборн подошел и встал рядом; лесоторговец громко называл цену. Грейс молча улыбалась. Чтобы как-то оправдать свое присутствие, Уинтерборн вступил в торги, хотя лес и фашинник были ему совсем не нужны; при этом он был так рассеян, что доносившийся до него голос аукциониста казался ему одним из обычных звуков леса. Упало несколько снежинок, и встревоженная этой приметой надвигающейся зимы малиновка, понимая, что людское вторжение ей ничем не грозит, уселась на груду продававшегося фашинника и уставилась пря-

мо в лицо аукционисту, поглядывая, правда, не упадет ли какая крошка из корзины с бутербродами. Стоя чуть позади Грейс, Уинтерборн следил за снежинками, которые падали ей то на локон, то на плечо, то на край шляпки; от рассеянности он назначал одну цену нелепее другой и, когда аукционист, кивнув в его сторону, произносил: «Ваше, мистер Уинтерборн», — не имел понятия, что купил: прутья, жерди или бревна.

Ему было досадно, что отец Грейс как будто вовсе забыл о вчерашнем и сегодня не отпускает ее ни на шаг, хотя сам говорил об их помолвке как о решенном деле. С такими чувствами он бродил за толпой взад и вперед, пока шел аукцион, ни с кем не вступая в разговоры. Наконец торг закрылся, и лишь тогда Джайлс осознал размеры своих приобретений. Сотни жердей и стволов числились за ним, а между тем ему нужно было от силы несколько вязанок прутьев, чтобы работник Роберт Кридл быстрее разводил огонь.

Теперь, когда аукцион кончился, Джайлс решился заговорить с лесоторговцем, однако Мелбери был холоден и краток, Грейс тоже казалась недовольной и смотрела на него укоризненно. Только тут до него дошло, что он, не желая того, перебил у Мелбери лес и взял как раз то, что заранее облюбовал лесоторговец. Обронив всего несколько слов, отец и дочь направились в обратный путь.

Терзаемый мукой раскаяния, Джайлс стоял на поляне до тех пор, пока все не разошлись по домам. Он видел, как Мелбери, не оборачиваясь, шагал рядом с дочерью. Позади них на просеке показалась какая-то дама верхом, ехала в ту же сторону, что и Мелбери, и скоро их нагнала. Лесоторговец снял шляпу, дама остановилась. Издалека было видно, что между ними завязалась беседа. Во всаднице — не столько по очертаниям фигуры, сколько по ливрею грума — Джайлс угадал миссис Чармонд.

Собеседники долго не трогались с места и, казалось, успели много сказать друг другу. А когда, наконец, Мелбери и Грейс снова зашагали по просеке, в их поступи появилась некая легкость.

Тогда отправился домой и Уинтерборн. Не желая допустить, чтобы из-за какого-то недоразумения в его отношениях с Мелбери появилась холодность, он пошел к нему в тот же вечер. У ворот ему бросилось в глаза, что окно одной из спален ярко освещено. В нем он увидел Грейс, зажигающую свечи; в правой руке она держала тоненькую свечку, левую прижимала к груди; она задумчиво следила за каждым фитильком, словно видя в разгорающемся пламени жизнь, которая вступает в пору расцвета. Недоумевая, что бы могла означать эта иллюминация, Джайлс вошел в дом и увидел мистера и миссис Мелбери в состоянии сдержанного возбуждения, о причине которого мог только гадать.

— Простите мое поведение на аукционе, — сказал Джайлс. — Просто не соображал, что делаю. Я пришел сказать, что вы можете взять любую партию леса из того, что я купил.

— Полно, полно! — ответил лесоторговец, махнув рукой. — Тут столько забот, что я об этом давно позабыл. Нам сейчас приходится думать совсем о другом, так что не беспокойся.

Лесоторговца, по-видимому, занимали соображения более возвышенные, нежели лесные торги, и озадаченный Джайлс перевел взгляд на миссис Мелбери.

— Грейс приглашена завтра в Хинток-хаус, — услышал он. — Сейчас она примеряет платья. Ей, должно быть, нужна моя помощь. — С этими словами миссис Мелбери вышла из комнаты.

Нет ничего удивительнее, чем язык, временами обретающий совершенную независимость. Мистер Мелбери понимал, что бахвалится. Он всегда осуждал зазнайство,